АСПИРИН НЕ ПОМОЖЕТ

№3, апрель 1995

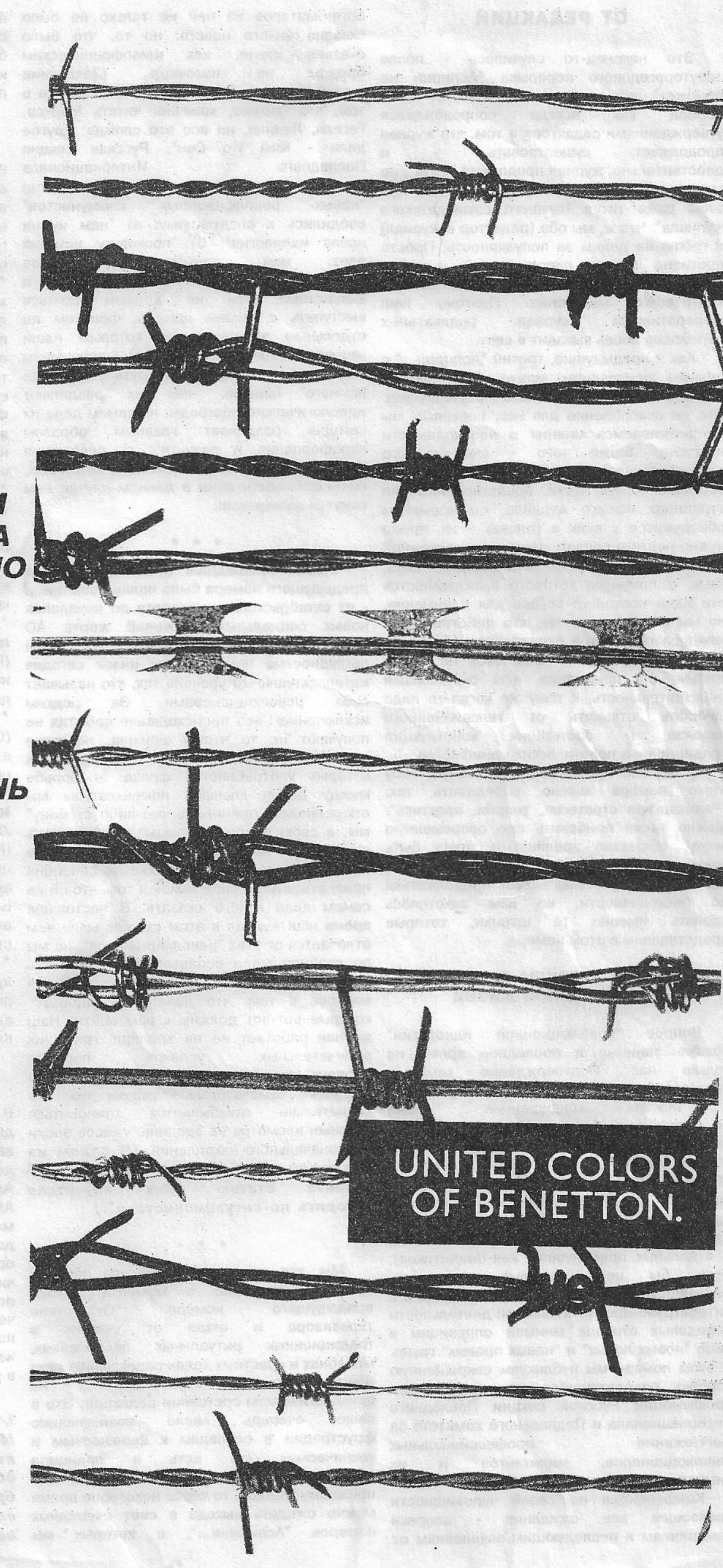
*** О ПРОХОЖДЕНИИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ДОСТАТОЧНО КОРОТКИЙ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ. ПАМЯТИ ГИ ДЕБОРДА**

*** ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ КРУТИЗНЫ В КОММУНИЗМЕ**

*** ОБЩЕСТВО ЗРЕЛИЩА - ЗНАТЬ ВРАГА В ЛИЦО**

*** РАССТАТЬСЯ С ИЛЛЮЗИЯМИ - НЕ ПОТЕРЯ, А ПРИОБРЕТЕНИЕ**

*** МИРОВОЙ ПОРЯДОК - СТАРЫЙ И НОВЫЙ**

ОТ РЕДАКЦИИ

Это наконец-то случилось - после полуторогодового перерыва "Аспирин не поможет" все-таки вышел в свет. Этот период как всегда сопровождался утверждениями редактора о том, что журнал продолжает существовать, - и действительно, журнал продолжал "жить", но скорее отраженной жизнью, получив при этом даже титул "лучшего самиздатского журнала". Что ж, мы оба (редактор и журнал) и гроша не дадим за популярность. Просто противно видеть повсеместный и почти поголовный отказ от революционности и критическго мышления. Поэтому наш реферативный журнал радикальных переводов вновь выходит в свет.

Как и предыдущие, третий "Аспирин..." с полным основанием может быть назван журналом заимствованного радикализма. Это не оскорбление для нас, поскольку мы придерживаемся мнения о необходимости плагиата, более того - считаем его двигателем прогресса. Нам хотелось бы верить в то, что идеи, представленные на страницах нашего журнала, со временем обнаружатся у всех в головах - их только нужно найти и сделать частью повседневной сознательной деятельности. Может быть, язык, с помощью которого высказываются эти идеи несколько труден для понимания, но мы считаем, что тех, кто действительно хочет разобраться в окружающем мире, это не должно смущать. Язык этот не более труден для понимания, чем окружающая действительность, к тому же когда-то надо начинать отвыкать от телевизионного новояза и застывших конструкций традиционных политических манифестов.

В первом приближении основную тему этого номера можно определить так: "Радикальная стратегия, теория, практика". Можно также прибавить про современную эпоху, общество зрелища и отказ быть левым... флангом капитиализма. Конечно, разговор на эти темы может продолжаться до бесконечности, но нам захотелось сделать именно те штрихи, которые представлены в этом номере.

РЕВОЛЮЦИЯ ЗРЕЛИЩА В ОБЩЕСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Вопрос "революционной идеологии" похоже занимал в последнее время не только нас. Подтверждение тому - прошедшая 17 января в Музее Маяковского в Москве конференция "Новый революционный коммунизм" ("Левизна как средство против старческих болезней в коммунизме"). Мы не стали бы лишний раз обращаться к столь незначительному событию, как тусовка маленьких красных бюрократов (конференция была организована силами ленинского комсомола и отдельных примкнувших кон-бендитиков), если бы не некоторые тенденции, отмеченные как в ходе конференции, так и в литератруно-просветительской деятельности передовых отрядов мнимой оппозиции в лице "новых левых" и "новых правых" групп. В этом номере мы публикуем сокращенную версию раздававшейся на конференции прокламации Русской секции Последнего Интернационала и Подпольного комитета за уничтожение профессиональных революционеров, милитантов и их симпатизантов.

Конференция по своей чудовищности превзошла все ожидания - вопреки намерениям и последующим заявлениям ее организаторов на ней не только не было сказано ничего нового, но то, что было сказано иначе, как шизофреническим бредом не назовешь. (Заявление комсомольского вожака Павла Былевского о том, что "можно, конечно, читать Маркса, Гегеля, Ленина, но все это сложно; другое дело - Ким Ир Сен", Русская секция Последнего Интернационала приветствовала, аплодируя стоя.) Открытия "новых революционных коммунистов" сводились к следующему: а) "нам нужна новая идеология"; б) "поскольку история дает нам достаточно примеров сотрудничества левых с националистами и фашистами, мы не должны бояться выступать с нимим единым фронтом по отдельным вопросам, по которым наши мнения совпадают"; в) "нон-конформизм новых левых роднит их с новыми правыми намного больше, чем их разделяют идеологические преграды; на самом деле их сегодня разделяет главным образом параферналия и лозунги"; г) революция сегодня это, во-первых, зрелище, во-вторых, бизнес. Комментарии в данном случае нам кажутся излишними.

* * *

Время, прошедшее с момента выхода предыдущего номера было полно событиями - от октябрьского переворота до появления новых социальных движений жертв АО "Русские пирамиды". Они со всей наглядностью показали как низок сегодня интеллектуальный уровень тех, кто называет себя революционерами. За редким исключением все происходящие события не получают не то чтобы анализа, но даже примитивного комментария. (Заявления, в которых употребляется фраза "в борьбе между двумя кланами номенклатуры мы отказываемся принимать чью-либо сторону" мы, в свою очередь, отказываемся считать даже просто комментариями.) Тем не менее ни одна из левых сект похоже не способна признаться даже себе самой в том, что ей на самом деле нечего сказать. В настоящее время наш журнал в этом смысле мало чем отличается от этих "революционеров", но мы по крайней мере осознаем необходимость анализа, который бы шел дальше решения вопроса о том, что делать с "кадрами", которые вот-вот должны к нам пойти. Наш журнал работает не на зрелище грядущих замечательных успехов периода первоначального накопления кадров, а на грядущие замечательные успехи тех, кто сознательно отказывается становиться кадрами несмотря на зрелище ужасов эпохи первоначального накопления. ***(В одном из следующих номеров "Аспирина..." читайте статью "Как научиться говорить по-ситуационистски".)***

* * *

Мы, как нам кажется, не зря провели время, прошедшее с момента выхода предыдущего номера. Отсутствие телевизора и отказ от участия в традиционных ритуальных песнопениях, молебнах и крестных ходах радикальных сект благоприятно отразилось на психологическом состоянии редакции. Это в свою очередь свело возникающие фрустрации в основном к финансовым и техническим (то есть в принципе решаемым). Если все будет идти по-прежнему хорошо, то через некоторое время можно ожидать выхода в свет очередных номеров "Аспирина...", в которых мы планируем забить осиновый кол в смердящий труп постмодернизма, погладить белоснежные кудри на мудром челе Маркса и кликнуть боевой клич новой революции, революции против мира работы.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Издательство "КУБ" намерено активизировать свои издательские проекты в 1995 году. В частности мы планируем выпустить следующие книги и брошюры (если найдемнеобходимые для этого средства):

**** Даниэль Герэн. Анархизм: от теории к практике.*** (Известный французский либертарный социалист об основных положениях анархизма и его практическом опыте в русской и испанской революциях, а также в движении фабрично-заводских комитетов в Италии в 1918-20 гг. и во Франции. Классическая работа, впервые выпущенная в 1965 году и с тех пор неоднократно издававшаяся на разных языках.)

**** Джордж Брэдфорд. Триумф капитала.*** (Брошюра, первая часть которой была опубликована в "Аспирине..." и которая рассматривает вопросы коммунистического эксперимента в России и его последующего крушения, а также причин и желательности краха капитализма.)

**** Фриди Перлман. Непреходящая привлекательность национализма.*** (Радикальная критика национализма и так называемых национально-освободительных движений.)

**** Пол Аврич. Бакунин и Нечаев.*** (Объективный взгляд известного американского историка на историю этого несчастливого союза.)

**** Алексей Боровой. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм.*** (Первая легальная лекция об анархизме в царской России и одновременно первое анархическое выступление Алексея Борового, одного из самых замечательных анархических мыслителей в России в XX столетии. Классика.)

**** Mickey Mouse, Fuck Off! Введение в критическую теорию.*** (Антология статей различных - в основном американских - авторов, на которых оказали благотворное влияние идеи ситуационистов.)

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО

В ноябре 1995 года исполняется 120 лет со дня рождения и 60 лет со дня смерти замечательного русского общественного деятеля, писателя, философа Алексея Алексеевича Борового. Группа имени Алексея Борового при содействии московского Левого Исторического Клуба и добровольных помощников намерена организовать серию мероприятий, в том числе чтения и торжественный вечер, посвященные этому незаслуженно забытому человеку. Всех желающих принять участие и посодействовать в этом деле, а также в деле издания работ Борового просим обращаться в редакцию.

* * *

1/18/95; Associated Press - Кота Бару, Малайзия. Полиция сообщила, что во вторник обезьяна, специально обученная сбору кокосовых орехов, бросила один в своего хозяин[illegible] сломав ему шею, в результ[illegible] наступила смерть. La lotta [illegible]

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО ОТ СТАРЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

На рынке оппозиции и в супермаркетах крутизны появился новый товар - "радикализм". Как талантливые предприниматели, его создатели учли вкусы публики и решили угодить всем - товар представлен в правой и левой модификациях и разнообразных расцветках - красной, черной, коричневой и хаки. Рынок поделен на сектора, и различные фирмы пускаются во все тяжкие, чтобы пошире разрекламировать и продать свою версию. Впрочем, приглядевшись повнимательней нетрудно понять, что новое говно такое же говно, как и старое.

Один за другим печатные органы нескольких сект - российского комсосола, лимоновской Национал-большевистской партии и Инициативы Революционных Анархистов - решились податься в обновленцы. Им надоели старые пердуны, за которыми они послушно шли на протяжении последних нескольких лет, и они решили, что хватит им быть мальчиками на побегушках, что настал их час. (...) Они грезят тем, что уже показалась "линия раздела, проходящая между не просто двумя политическими течениями или партиями, но между двумя совершенно разными стилями. ...эти стили разделяют оппозицию гораздо глубже и серьезнее, нежели деление на "правых" и "левых", "коммунистов" и "монархистов" и т.д." (А.Дугин, "Новые против старых", "Лимонка", N 1.)

"Кстати, именно нон-конформизм новых левых роднит их с новыми правыми намного больше, чем их разделяют идеологические преграды. На самом деле их сегодня разделяет главным образом параферналия и лозунги." (Э.Михневский "Ностальгия по коктейлю Молотова", "Черная #!#зда", N 4, 1994)

Итак, "новые" дозрели до осознания того, что "реставрация" чего бы то ни было (СССР, Российской империи, монархии) их не устраивает, им нужна "революция". Кое-кто из них говорит о невозможности использования старого механизма власти и необходимости его слома, о порочности национального капитализма, об ублюдочности старой оппозиции, которая больше заинтересована в сохранении своего политического влияния нежели в каких-либо реальных изменениях. Но все это общие места, и построить из них хоть сколько-нибудь непротиворечивую систему способны лишь немногие "новые", те, кто скромно именует себя "национальной элитой" или "революционным авангардом".

Об умственных способностях "новых" говорят выпускаемые ими агитки, которые противоречат сами себе в двух соседних абзацах. Впрочем, не будем судить их авторов строго. Большинство "новых" не имеет ни идеологии, ни идей, а воспринимает свой радикализм исключительно на уровне образов. Радикальные политические организации и чтение плохо усваиваемых радикальных книжек дают этим "радикалам" то же, что мода и поп-культура - возможность идентифицировать себя с тем или иным образом, чаще всего с образом "крутого".

Нельзя сказать, что "новые" не видят ничего, что происходит вокруг. По крайней мере одно из их "открытий" верно: мы живем в обществе зрелища. Смешно, однако, называть их из-за этого революционерами; как и ненавистная им буржуазия, они способны лишь на констатацию окружающих их явлений и не более того. Радикалы, достойные этого имени, по крайней мере в своем анализе окружающей действительности должны идти на шаг впереди своих противников, они должны судить о мире не на основе того, что кажется, а на основе того, что есть на самом деле. Что уж и говорить о необходимости не только интерпретировать действительность, но и изменять ее. Но подобные откровения еще не озарили светлого чела нашего собирательного "нового" революционера, и потому он безмятежно греется в ярких лучах общества зрелища, попутно заявляя, что единственный способ совершить революцию (или хотя бы решить задачи, стоящие перед революционерами на этапе "первоначального накопления кадров") заключается в том, чтобы поставить зрелище на службу революции.

Со временем то, что первоначально воспринималось как средство достижения неких целей, превращается в самоцель - жизнь революционной организации превращается в короткие обрывки видеоматериалов, попавших или не попавших в масс медиа. Они уже не винтятся в отсутствии видеокамер; единственное, что они делают, это винтятся в их присутствии.

В своем понимании механизмов действия общества зрелища "новые" революционеры достаточно поверхностны, они не понимают, что сама природа зрелища уничтожает какое бы то ни было понятие смысла.

Но довольно мы пели славословий нашим собирательным "новым революционерам", пора бы сказать похвальное слово и отдельным их категориям. В частности, анархистам, почетным оркестрантам этой истерии вокруг новой крутизны, пишущим если не большую, то зачастую "лучшую" часть манифестов новой оппозиции. (Опять же, речь не о смысле, а о стиле.) Они всеми любимы за свою бесхребетность, политическую беспринципность и идейную всеядность. В обществе, где, как утверждают некоторые, все понятия потеряли свой смысл, те понятия, которые изначально трудно поддавались определению, пришлись по вкусу почти всем. "Новым революционерам" анархизм приглянулся еще и потому, что у него нет пугающего багажа в виде гулагов и газовых камер. Зато есть идея свободы личности, которая в синтетическом мире "нового революционаризма" вполне может ужиться с "законностью и порядком" (потому что мир этот насквозь шизофреничен). Как и сытые самодовольные мещане, столь ненавистные этим противникам "всякой войны, кроме классовой", они неспособны понять не только мир вокруг себя, но и свое место в нем. Их красные товарищи, смотрят на мир гораздо прозаичнее, но в то же время гораздо прагматичнее. Как сказал однажды комсомольский вожак Игорь Маляров: "Если молодежь не идет к нам под красные знамена, пусть идет под черные".

Но... всякая глупость имеет шанс стать средоточием смысла - все зависит от того, с какой стороны на нее посмотреть. И поэтому, выше черное знамя, товарищ анархист! Крепи анархо-коммуно-монархическое единство рядов профсоюза "Студенческая защита"! Помни, что ты выполняешь священный долг - засоряешь мозги этой сволочи, идущей в одной колонне с тобой, плохо переваренными идеями и ложными представлениями о "новых левых", Красном Мае, Маркузе и Годаре. О революции и радикализме, в конце концов!

Твой предшественник Даниэль Кон-Бендит (такая же жирная скотина, жаждавшая славы и светившаяся перед камерами, как и твои новоявленные вожди и учителя) наставил тебя на правильный путь. Ищи лекарство от старческой болезни коммунизма именно там, где указал твой идол - левее, левее, еще левее. Путь твой будет труден, но ты должен идти несмотря ни на что. Тебя будут преследовать все возможные опасности - плевки пролетариев, переживающих затянувшийся кризис пролетарского руководства, безразличие скучающей молодежи, забившей гениталии на твою политику, отдающую идиотизмом и мертвечиной догм. Тебя будут слепить вспышки фотоаппаратов и юпитеры больших телестудий (они так заманчивы!). В конце концов, есть вероятность столкнуться с еще более "крутыми" революционерами, считающими тебя действительно левым... флангом капитализма. Все это не должно тебя заботить, если ты действительно хочешь найти верное средство против гнетущей тебя старческой болезни. Левее, мой друг, левее... Это средство там. Вот ты уже различаешь неясные контуры. Еще одно умственное усилие, и ты поймешь, что против старческих болезней есть только одно верное средство. Смерть.

И довольно пинать и пришпоривать дохлую кобылку левого движения - ни ты, ни она уже не имеете к жизни никакого отношения. Вы в лучшем из миров, загробном. Можете считать его коммунизмом.

Русская Секция Последнего Интернационала
Подпольный Комитет за уничтожение профессиональных революционеров, милитантов и их симпатизантов

ИНСТРУКЦИИ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ

Если разговоры о революции почему-либо кажутся смешным, то очевидно потому, что организованное революционное движение уже давно исчезло из развитых стран, в которых сконцентрированы возможности решительного переустройства общества. Но все остальное кажется еще более смешным, поскольку так или иначе подразумевает принятие существующего порядка. Если слово "революционный" настолько нейтрализовано, что его можно использовать в рекламе для описания даже незначительных изменений в постоянно-меняющемся товарном производстве, то только потому, что возможности коренного желательного изменения больше нигде не находят своего выражения. Сегодня революционный проект предстает в качестве обвиняемого перед судом истории - обвиняемого в том, что он нес в себе новое отчуждение. Это равносильно признанию того, что господствующее общество оказалось способным себя защищать на всех уровнях действительности и справляется с этой задачей гораздо лучше, чем того ожидали революционеры. Не то, что бы оно стало более сносным. Просто революцию нужно изобрести заново, только и всего.

Это сопряжено с рядом проблем, которые нужно будет теоретически и практически разрешить в течение нескольких следующих лет. Мы можем коротко остановиться на нескольких вопросах требующих решения. (...)

Самой большой трудностью, с которой сталкиваются группы, стремящиеся создать новый тип революционной организации, является установление нового типа человеческих отношений внутри самой организации. Общество повсеместно оказывает давление, направленное против подобных попыток. Но если этого не достичь, с помощью методов, с которыми еще придется поэкспериментировать, мы никогда не сможем избавиться от специализированной политики. Требование непосредственного участия каждого зачастую вырождается просто в абстрактный идеал, в то время как на самом деле оно является абсолютной практической необходимостью для подлинно новой организации и для организации подлинно нового общества. Даже если активисты больше не являются просто исполнителями решений руководителей организации, они по-прежнему рискуют быть сведенными к роли простых зрителей по отношению к тем, кто наиболее квалифицирован в политике, воспринимаемой в качестве некоей специализированной деятельности; таким образом воспроизводятся отношения пассивности характерные для старого мира.

Разбудить в людях творческие способности и стремление к участию может только коллективный проект, касающийся всех аспектов жизненного опыта. Единственный способ "всколыхнуть массы" состоит в том, чтобы вскрыть разительный контраст между возможным устройством жизни и ее теперешней нищетой. Без критики повседневной жизни революционная организация представляет собой отчужденный мир, столь же обычный и в конечном счете столь же пассивный, как пансионаты, представляющие собой специализированные территории современного отдыха. Социологи (...) показали, как в подобных местах зрелищный механизм воссоздает на уровне игры отношения, господствующие в обществе в целом. (...) Даже в самой либертарной и анти-иерархической революционной группе общение между людьми ни в коей мере не гарантируется разделяемой ими политической программой. Социологи, естественно, поддерживают попытки реформировать повседневную жизнь, обеспечить компенсацию за нее во время отпуска. Но революционная организация не может принять классическую идею игры, игры, ограниченной во времени, в пространстве и по своей качественной глубине. Революционная игра - создание жизни - противостоит воспоминаниям о всех прошлых играх.

Революция повседневной жизни не может выводить свою поэзию из прошлого, только из будущего.

Опыт пустого отдыха, существующего при современном капитализме, естественным образом критически скорректировал марксистскую идею о расширении свободного времени. Бесспорно, полная свобода в том, что касается времени, требует прежде всего трансформации труда и присвоения этого труда в соответствии с целями и на условиях, которые полностью отличаются от господствовавших до сих пор условий принудительного труда. (...) Но те, кто делает основной упор на необходимости изменения самого труда, его рационализации, заинтересованности людей в нем, те, кто отрицает идею свободного содержания жизни (то есть развития материально оснащенных творческих сил за границы традиционных категорий рабочего времени и времени, отведенного на отдых и восстановление сил), рискуют предоставить идеологическое прикрытие для гармонизации существующей системы производства в направлении большей эффективности и прибыльности, при этом совершенно не ставя под сомнение опыт этого производства и необходимость подобного образа жизни. Свободное построение целостного пространственно-временного измерения индивидуальной жизни это требование, которое необходимо будет отстаивать в противовес всяким мечтам о гармонии, рождающимся в умах целеустремленных управленцев по общественному переустройству.

До сих пор различные моменты ситуационистской деятельности могли восприниматься лишь в контексте грядущего возрождения революции, революции, которая будет в той же степени социальной, как и культурной, и поле деятельности которой с самого начала должно будет быть шире, чем во время любых предшествующих попыток ее осуществления. Поэтому Ситуационистский Интернационал не хочет рекрутировать себе учеников или последователей, но стремится собрать вместе людей, способных добиваться этой цели в последующие годы всеми необходимыми средствами и не заботясь о ярлыках. Это значит, что мы должны отвергнуть пережитки не только специализированной художественной деятельности, но также пережитки специализированной политики, в частности пост-христианский мазохизм, столь характерный для многих интеллектуалов, действующих в этой сфере. Мы не заявляем о том, что создаем новую революционную программу исключительно самостоятельно. Мы говорим, что эта программа в процессе своего возникновения в один прекрасный день на практике бросит вызов господствующей действительности, и мы примем участие в этой борьбе. Что бы ни случилось с нами самими, новое революционное движение не сформируется не приняв во внимание того, что мы искали совместными усилиями, и что можно вкратце сформулировать как переход от старой теории ограниченной перманентной революции к теории всеобщей перманентной революции.

Internationale Situationiste, # 6, август 1961

ПУБЛИЧНОЕ ИЗВИНЕНИЕ

(начало на стр. 18)

Он открывает толстенный гроссбух - желтые страницы, коричневый переплет, тисненые золотом "Учет и контроль":

- Фамилия, имя?

Я отвечаю.

- Звание?

Я отвечаю. Хотя непонятно, ведь он меня знает, ему должны были доложить.

- Число, месяц, год рождения? - кряхтит он. Я отвечаю.

Скрипит гусиное перо.

- Место рождения? Национальность? Семья? Дети?

Я отвечаю. Пауза, дед молчит и листает амбарную книгу. Мальчик уже прошел внутрь, зовет, машет рукой. С той стороны собрались и приветствуют меня мои клиенты, они шутят, галдят, о чем-то спрашивают...

- В чем дело?! - взрывается вдруг моя проводница, первый раз ее вижу такой возбужденной. Страж смотрит сперва на меня, потом переводит взгляд на нее, ухмыляется и хлопает, закрывая, книгой.

- Он грязный, - хохочет очкастый старик. - Он весь в дерьме! - от громоподобного смеха трясется, ходит ходуном все вокруг. Он снимает очки, вытерает слезу и снова смеется...

Он смеется и тычет костлявым пальцем куда-то вниз. Подруга вскидывает удивленно тонюсенькие брови - внизу она видит девушку. Девушка курит и грустит.

Цыганка с картами, дорога дальняя, -

тихо, несмело затягивает кто-то за забором, -

Дорога дальняя, казенный дом, -

подхватывает сочувственно хор клиентов. Все смотрят на меня. Я растерянно улыбаюсь. Многие плачут.

ПАНЕГИРИК

30 ноября 1994 года покончил жизнь самоубийством Ги Эрнест Деборд, Агитатор и Поэт, Горлан и Главарь, один из создателей Ситуационистского Интернационала, оказавшего заметное влияние на революционные группы и радикальные художественные течения в Европе и Соединенных Штатах. Сообщение о смерти Деборда - на первой странице "Либерасьон", ему посвящают телепередачи и снова отправляют в печать его книги. Он уже не может сопротивляться, как он делал это при жизни. Черную дыру, проделанную им в цветистом полотне общества зрелища, уже зятягивают и закрашивают поверх. Слова, которые произносятся сегодня - "художник, писатель, кинематографист, теоретик" - затаскивают его, уже мертвого, в болото культурного и интеллектуального истэблишмента, против которого он всю свою сознательную жизнь яростно и бескомпромиссно боролся. Они говорят, что он был непримиримым врагом капитализма. Это вполне безопасно, это всего лишь штамп - они знают, что сегодня это (пока?) не страшно. Для них революционер - это человек, работающий на их зрелище, пусть даже это будет зрелище конца мира. Он же считал себя революционером, человеком, работающим ради конца мира зрелища. Для них это всего лишь забавный гегельянско-марксистский "двоеяз", для него это была диалектика, которая при умелом использовании способна разбивать кирпичные стены или направлять тучи камней в ряды полиции и телекамер.

Все, о чем они говорят, стерильно и безопасно. Им забавно читать ситуационистское определение "ситуационизма" (ситуационисты яростно отрицали существование подобного "-изма"), но они выбрасывают на рынок товар, а у товара должно быть имя. И появляется "ситуационизм", экзотический предмет художественных и профессорских спекуляций, идеология (читай, ложное сознание), "исправленная" обществом зрелища и лишенная смысла картинка. Если бы ситуационисты были более известны широкой публике, то их использовали бы и в рекламе. Например, пива. Nobody holds their "Beck's" quite like the S.I. Учитывая скорость с какой сегодня создаются рыночные психозы, этого вполне можно ожидать. Бульварная парижская "Ле Паризьен" поместила сообщение о смерти Деборда в рубрике "Зрелища" рядом с сообщением о скандальном разводе Майкла Джексона. Но, кажется, Деборд и мертвый пытается сопротивляться. По какому-то странному стечению обстоятельств сообщения о том, как он покончил с собой, почему, оставил ли предсмертное письмо - так и не попали на страницы газет. Все очень просто. Если тебе не удается проделать отверстие в полотне общества зрелища, закройся от него простыней - им будет труднее заставить тебя участвовать в процессе массового пороизводства зрелищ, иллюзий, действительной общественной пассивности.

Гораздо легче хоронить Джерри Рубина (он умер примерно в те же дни, что и Деборд) - его жизнь стала хрестоматийным примером буржуазной нормальности ("мы перебесимся и будем такими же, как вы"), он понял, что революция и кредитная карточка это одно и то же, он с готовностью стал стал частью зрелища.

А что же Деборд? Помимо нескольких фильмов и книг он оставил после себя еще и кучу противоречивых слухов. В его жизни не было ничего такого, относительно чего можно было бы прийти к определенному мнению. Деспот, тиранивший жену и Ситуационистский Интернационал, исключивший больше половины его членов. А может быть последовательный революционер, не желавший идти на поводу у буржуазной культуры и мягкотелых реформистов? В конце концов он показал, что действительно серьезно относится к собственным принципам - ему даже в большей степени, чем многим его временным попутчикам был гарантирован личный успех, но это его не занимало. Успех все-таки догнал его, но это произошло уже в конце восьмидесятых, когда ситуационисты вновь начали выплывать наружу, когда они стали предметом художественных дискуссий и академических исследований. Но этот успех был как раз тем, что сами ситуационисты еще в 1964 году решили считать поражением. "Элемент поражения для СИ заключается в том, что обычно воспринимается как успех - наша художественная ценность, которая начинает находить признание, или тот факт, что некоторые из наших тезисов становятся модными среди социологов или специалистов в области урбанизма..." Отдельные тезисы, цитаты в академических и художественных изданиях, многозначительные ссылки высоколобых эстетов ("Как, вы не знаете ситуационистов?! Стыдно, батенька...") не имеют абсолютно никакого значения, если они оторваны от главного - тотального разрушения иерархии, капитализма, общества зрелища. Революция либо будет всеобщей (революцией повседневной жизни), либо не будет революцией.

(Окончание на стр. 13)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Лен Брэкен

Вы всегда можете уклониться от объявления атаки, каждой из сторон также разрешается двигать меньше, чем пять единиц, или не двигать ни одной.

Ги Деборд, Kriegspiel ("Игра в войну")

Деборд хорошо известен своим духом отрицания. Позитивное содержание его стратегий обычно игнорируется заодно с его победами. В эпоху, которая стремится затуманить различия, лежащие в основе социальных конфликтов, мы часто забываем о том, что цель всякой стратегии есть отрицание врага. Выбрав в качестве своего противника общество зрелища, Деборд тем самым выбрал бесконечную стратегическую игру.

Честный взгляд на жизнь этого человека позволяет увидеть замечательное применение диалектики, - его признанные враги больше не могут скрывать своего восхищения "черной дырой", созданной его пожизненным отказом подыгрывать зрелищу, и теперь даже самые консервативные из его противников вынуждены признать значимость его критики современной мусорной культуры. Книги Деборда печатаются Gallimard и Les Belles Lettres, самыми престижными книжными издательствами во Франции. Более того, ситуационистам сегодня отдают должное в том, что касается их роли в истории мая 1968 года, - они были единственной группой, призывавшей расширить и радикализовать студенческие протесты, превратив их в то, что стало первой в истории человечества всеобщей дикой забастовкой. Чтение мемуаров Деборда заставляет меня думать, что на личном уровне ему действительно удалось реализовать гедонистическую стратегию жизни, о которой говорил Аристипп, используя людей и ситуации для удовлетворения своих желаний. Это стратегическое сознание присутствует во всех работах Деборда, показывая, что у него была голова военначальника и сердце поэта.

"Я изучал логику войны. Более того, еще очень давно мне удалось представить ее основные движения в виде простой настольной игры, - соперничающих сил и противоречивых необходимостей, влияющих на действия двух сторон. Я играл в эту игру и зачастую в трудных перепетиях моей жизни я использовал ее уроки - я установил самому себе правила игры в жизни и следовал им... Сумел ли я правильно использовать эти уроки, пусть судят другие."

Ги Деборд "Панегирик"

Как могут уроки абстрактного стратегического упражнения между двумя людьми иметь значение в конкретной ситуации, в которую вовлечено множество людей? Тем не менее Деборд утверждает, что его игра воспроизводит "диалектику всех конфликтов". "Kriegspiel" это применение "общей теории войны". Мне сразу приходит на ум книга Жана-Поля Шарнея "Общий очерк стратегии". Как и Деборд, Шарней усматривает стратегию "в революционной борьбе в той же мере, что и во всякой крупной войне, в играх в той же мере, что и любви, в экономической конкуренции в той же мере, что и в идеологической борьбе".

Чтение книги Шарнея позволяет представить Деборда в новом свете. Например, изучение стратегии позволяет обновить концептуальный аппарат, используемый для того, чтобы понять замыслы противника. Чего добился Деборд, отказываясь от интервью в зрелищных масс медиа? С одной стороны, он не дал обойти себя с флангов, с другой стороны, он смог понять их лучше, чем они могли понять его. Стратегия это средство создавать и разрешать искажения.

Скрытые социальные конфликты особенно подвержены действию непрямых стратегий. Как писал Токвиль, "Лучшая безопасность режима это лояльность граждан". Другими словами, в центре всякой борьбы всегда находится население. Главная цель революционной войны это не захват пространства или уничтожение противника, а завоевание населения. Для того, чтобы нарушить равновесие общества мы должны возбуждать сомнение в традиционных верованиях, трансформировать существующие структуры в конфликты. Надо убедить людей в том, что существующий порядок не является наилучшим возможным порядком и что намерения революционеров не так уж плохи.

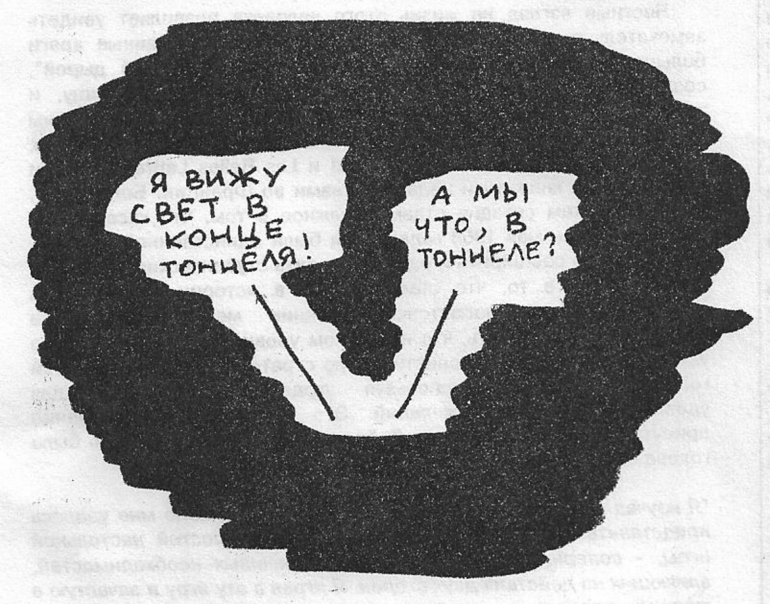
В отличие от большинства других революционеров, отрицание ситуационистов носило скорее эгоистический, чем альтруистический характер. Именно поэтому они не пережили сопровождающего почти всякую революционную борьбу упадка альтруизма и скатывания к насилию. Они вовсе не хотели, чтобы все стали ситуационистами, они скорее наслаждались различиями

(Окончание на стр.17)

миражи

Лэрри Лоу

...Знание начинается с осознания обманчивости наших представлений, основанных на здравом смысле, с осознания того, что картина окружающей нас физической действительности не соответствует тому, что "действительно действительно", потому, что большинство людей наполовину спит, наполовину бодрствует, и не осознает что то, что воспринимается как правильное и самоочевидное является иллюзией, вызванной суггестивным влиянием социального мира, в котором мы живем. Поэтому знание начинается с разрушения иллюзий, с разочарования.
Эрих Фромм

В обществе зрелища мы живем в мире тщательно сконструированных иллюзий - о себе самих, друг о друге, о власти, справедливости и повседневной жизни.
Эти иллюзии одновременно создаются и отражаются в образовании, рекламе, пропаганде, на телевидении, в газетах, речах, выборах, политике, религии, бизнесе, судебных разбирательствах. Мы сами воспроизводим их с того момента, как принимаем их в качестве обоснованного взгляда на мир. Нам вовсе не обязательно соглашаться со всеми деталями - напротив, нас всячески подталкивают к тому, чтобы спорить и принимать ту или иную точку зрения по различным незначительным вопросам - мы просто должны принять этот взгляд на мир, должны смотреть на окружающую действительность с точки зрения Власти.

"Такова жизнь", "Это послано нам в испытание", "У каждой розы есть свои шипы", "Иначе нельзя" - вот те вздохи и сетования, которые объединяют столь разнообразные разговоры и которые настолько извратили наши чувства, что теперь их можно считать наиболее общей чертой человеческого характера.
Рауль Ванейгем

Как только мы принимаем точку зрения власти, нас можно спокойно выпускать в мир, наполненный людьми, смотрящими на жизнь аналогичным образом.
Таким образом, через наши разговоры, отношения, советы, которые мы даем, "здравый смысл" и самые обыденные повседневные мелочи, мы участвуем в демократическом процессе создания общественных иллюзий.

Зрелище представляет собой не просто набор образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами.
Ги Дебορд

Любой рекламодатель знает, что предлагая свой продукт, он одновременно утверждает новые ценности. Частота, с которой реклама сулит процветание и райское наслаждение, богатство и любовь окружающих, уже сама по себе заставляет запомнить это сообщение и выработать отношение к пропагандируемым ценностям.

Большинство людей будет уверять вас, что их вовсе не обманывает реклама и что они не верят всему, что они читают в газетах или смотрят по телевидению. Мы не должны цинично отвергать подобные заявления - даже когда мы видим, как те же самые люди продолжают некритично потреблять рекламируемые продукты, читать газеты и смотреть телевизор; поступать так, значит совсем не понимать природу пропаганды в обществе зрелища.
Детали не имеют значения до тех пор пока мы смотрим на мир глазами власти, пока мы пассивно воспринимаем предлагаемую картину мира целиком. Мы можем просто оглядеться вокруг, чтобы увидеть как различные общества различаются в деталях. Но как бы они не различались в деталях - будь то Лондон, Вашингтон, Москва, Пекин, Токио, Гавана, Кейптаун,Хараре или Сидней - точка зрения везде одинакова. Шапки долой перед властью, работой, необходимостью идти на жертвы и неискренностью.

Всякая власть поддерживает себя путем создания иллюзий, путем массового надувательства. Насильственные акты подавления со стороны государства служат для того, чтобы показать всем, что может случиться с теми, кто открыто высказывает свое несогласие. Как бы ни реальны были эти акты подавления для тех личностей и групп, на которые они направлены, для общества в целом это блеф. Никакая полиция или армия в мире не может держать в повиновении и одну десятую населения только с помощью силы.

Английский психолог А.С.Нейлл вспоминает случай, который ему пришлось наблюдать однажды в купе вагона. Малыш надоедал маме, упрашивая ее разрешить ему поиграть в корридоре. В конце концов мама положила конец его просьбам, сказав, что в корридоре стоит полицейский, который забирает всех непослушных детей. Нейлл подумал, что если бы малыш набрался смелости и открыл дверь, то он сделал бы два очень важных для себя открытия - во-первых, что в корридоре нет никакого полицейского, во-вторых, что его мама - лгунья.

В "демократических" обществах проблема недовольства решается с помощью избирательных урн - системы, которая предлагает любой выбор, оставляющий власть неприкосновенной. Если вам не нравится это правительство, вы можете проголосовать за альтернативное ему правительство, - но не за альтернативу правительству.
Ежедневно через школу, газеты и телевидение власть утверждает свою точку зрения. Очень трудно смотреть на повседневную жизнь как-либо иначе, поскольку все отправные точки даны нам властью.

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.
- Твой путь? - переспросила Королева. - Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои.

Средства массовой информации позволяют распространять иллюзии в массовом порядке. Там, где действительность вступает в противоречие с иллюзией, ее игнорируют, высмеивают или попросту изменяют с тем, чтобы она соответствовала требуемому образу.

Очевидные ошибки только высвечивают как незначительна информация сама по себе.

Борис Ельцин и Альберт Рейнольдс удовлетворили взаимное любопытство

Президент России Борис Ельцин по пути из США на родину совершил часовую остановку в ирландском аэропорту «Шеннон». Во время остановки состоялась его встреча с премьер-министром Ирландии Альбертом Рейнольдсом. Ельцин ознакомил Рейнольдса с результатами своих визитов в Великобританию и США. В свою очередь, премьер-министр Ирландии проинформировал российского президента о деятельности его правительства, направленной на урегулирование северо-ирландской проблемы.

Президент очень устал

НАМЕЧЕННАЯ на пятницу встреча Бориса Ельцина с премьер-министром Ирландии Альбертом Рейнольдсом не состоялась, хотя самолет президента прибыл в аэропорт Шэннон. Источники в сопровождавшей президента делегации сообщили, что Борис Ельцин не смог принять участия во встрече в связи с недомоганием, вызванным длительным перелетом с тихоокеанского побережья США. Сопровождавший президента в поездке первый вице-премьер РФ Олег Сосковец передал от имени президента РФ приглашение премьеру Ирландии посетить Москву. По словам г-на Сосковца, встретившегося с журналистами, Борис Ельцин «прекрасно себя чувствует, но очень устал от длительного и утомительного полета через США и океан».

Было сообщение информационно агентства о том, что в Тбилиси состоялся митинг сторонников Гамсахурдиа, в котором приняли участие две тысячи человек. Машинистка напечатала вместо 2000 — 200 000, в запарке редактор этого не заметил, и я автоматически по тексту повторила эту цифру! Ужас! Это было страшно. Ведь двести тысяч для Тбилиси — невероятно много, это «читалось» как полная победа Гамсахурдии! Вы не представляете, что тут началось...

3 января 1914 года в городе Хуарес Панчо Вилья подписал контракт с кинокомпанией Mutual на сумму 25 000 долларов. В контракте говорилось о том, что Вилья приложит все усилия для того, чтобы заканчивать победой сражения в дневное время, а также запретит появление на поле брани всех других кинооператоров. Представитель компании господин Айткен также договорился о том, что если будет отснято недостаточно зрелищного материала во время боевых действий, Вилья будет специально разыгрывать их на следующий день перед камерами.

Один предприимчивый полицейский департамент заключил гениальное соглашение с группой тележурналистов, снимавших демонстрацию с автобуса, шедшего в голове колонны. В тайне от организаторов демонстрации полиция получила возможность контролировать скорость ее передвижения подавая сигналы водителю автобуса, который должен был замедлять или ускорять движение.

Люди становятся зрителями собственных жизней. Средства массовой информации оформляют действительность. Как-будто недостаточно того, чтобы жизнь просто проживалась - нам должно еще и казаться, что мы ее проживаем.

Зрелище поддерживается не образами, производимыми масс медиа, а нами самими, когда мы воспроизводим эти образы в своей повседневной жизни - что, в свою очередь, отражается средствами массовой информации как примеры "действительности".

Наше обусловливание к принятию морали капитализма начинается с раннего возраста.

Даже в самых крайних случаях информация не может быть активным участником реальной жизни.

Когда реальный мир превращается в простые образы, простые образы становятся реальными существами и эффективными мотивами гипнотического поведения.
Ги Дебορд

Человек без цента в кармане, умирающий от голода, обладает отчаянной "нуждой", но не "спросом" на пищу.
Учебник экономики

Пропаганда и реклама заставляют нас отождествлять свои интересы с интересами Зрелища.

Субъекту предлагается набор вариантов для выбора. Все они плохи. В подобной ситуации субъект сознательно выбирает то, что он или она считает наименьшим злом. Цель контролера состоит в том, чтобы поддерживать напряжение, связанное с ситуацией выбора на достаточно высоком уровне, с тем чтобы альтернативные варианты помимо тех, что предложены, не выдвигались и не воспринимались. Это примерно то же самое, что запереть человека в ограниченном пространстве, которое легко контролировать. Как только выбор сделан, можно предлагать следующий набор вариантов для "выбора". В тойстепени, в которой регулируется набор предлагаемых вариантов - то есть в той степени, в которой субъект или выступающее в качестве такого субъекта население воспринимает их как единственные возможные варианты выбора, - в той степени контролируется и результат.

... очень важно, чтобы вы - жертва - чувствовали, что в этом мире нет связи между причиной и следствием, что есть только информация. С этого момента вы не найдете избавления от этого напряжения, будет лишь серия все нарастающих кризисов...
Лонни Вульф

На пятнадцатый раз он сокрушается, что не может себе позволить купить эту вещь.

На шестнадцатый раз он говорит себе: "Придет время - и я яобязательно куплю эту вещь".

На семнадцатый раз он вногсит в свои планы покупку этой вещи.

На восемнадцатый раз он клянет свою нищету.

На девятнадцатый раз он тщательно пересчитывает деньги.

На двадцатый раз он вновь видит рекламное объявление - и покупает эту вещь (или наказываеткупить ее супруге)".

Что касается уровня нашей обусловленности, достаточно показательно, что при встрече с подобным пустословием не все из нас разражаются хохотом.

BELIEVE IN FREEDOM. BELIEVE IN HONDA.

Зрелище воскрешает мертвых, импортирует иностранное и интерпретирует существующее. Время, необходимое для того, чтобы вещи приобрели причудливую банальность постоянно сокращается, оригинал выбрасывается на рынок одновременно с пародией на него, от которой его зачастую трудно отделить.
Эстетические дискуссии все чаще сосредотачиваются на обсуждении простого вопроса - является то или иное произведение пародией или нет?
Кен Нэбб

это - лишь первый смысловой пласт картины.

Второй - более простой, но я бы сказал - более выпуклый. Фильм начинается с демонстрации выдающегося бюста Джули Стрэйн, получившей в минувшем году в "Пентхаузе" титул "Pet of the year" (мой вариант перевода - "Домашняя зверушка года"). А заинтригованные зрители имеют возможность погадать: "Это силикон или настоящие? Неужели такое бывает в природе? Нет, это все-таки силикон - глянь, как они торчат!" - и так на протяжении всего фильма.

Источником тавтологического характера зрелища является тот простой факт, что его средства являются одновременно его целями. Это солнце, которое никогда не заходит над империей современной пасиивности. Оно освещает всю поверхность мира и бесконечно купается в собственной славе.
Ги Дебord

КАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМ
КАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМ
АПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМК
АПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМ
ПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКА
ПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМ
ИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМКАП
ИТАЛИЗМКАПИТАЛИЗМ

Гигантская швейцарская фармацевтическая компания Ciba-Geigy признала, что распыляла пестициды на египетских детей с целью проверки их безопасности. Пестицид "Галекрон" в конце концов был признан источником рака, и недавно фирма Ciba-Geigy принесла извинения за то, что она использовала детей в качестве "добровольных помощников".

Капитализм это прогресс, а прогресс иногда может создавать неудобства.
Доктор Адольф Янн, президент компании "Хоффман-Ла Рош" в телеинтервью, посвященному произошедшей накануне экологической катастрофе, в которой была виновна его фирма

Болезнь миссис Лоулей, а также действие куаксилина на животных сильно напоминают другое заболевание, SMON, вызываемое энтеровиоформом, другим лекарством, своей формуле напоминающим куаксилин. SMON привел потере зрения и параличу 10 тысяч японцев, принимавш энтеровиоформ. Производитель этого препарата фир Ciba-Geigy признала в заявлении, сделанном в Японии, что препарат был причиной заболевания. Тем не менее, Ci Geigy продолжает продавать энтеровиоформ в тех стра где он не запрещен.

В Нижнем Новгороде при попытке хищения почти трех тонн растительного масла, используемого при производстве майонеза, задержаны начальник смены масложиркомбината и заместитель, сливавшие масло из цистерны в машину для перевозки фекальных отходов (И).

Кроме того, мода на американскую новинку оказалась небезопасной. Во французском городе Шатийон-сюр-Луар вспыхнула загадочная эпидемия. Ее жертвы жаловались на носовые кровотечения, головную боль и желудочные расстройства, но стоило такому больному отказаться от употребления «Гербалайфа», как через пару дней его самочувствие приходило в норму. По словам Жака Фрикера, врача-диетолога из парижской больницы Биша, «формула 3» из стандартного набора «Гербалайфа» содержит большое количество витамина В6. При длительном употреблении его в чрезмерных дозах неврологические последствия могут быть весьма тяжелыми.

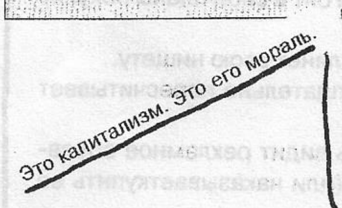
Тем не менее некоторые врачи продолжают активно предписывать употребление «Гербалайфа», которым сами же и торгуют, хотя он не значится в списках медикаментов. «Отцы» «Гербалайфа» зарегистрировали его как «продукт питания», в отношении которого медицинские и таможенные требования не столь строги.

ОСТОРОЖНО: ЙОГУРТ!

Серьезной опасности подвергают своих малышей мамаши, которые приобретают в коммерческих палатках пользующийся бешеной популярностью среди детей оригинальный молочный продукт — йогурт.

Как сообщили «МК» в департаменте потребительского рынка, проверки показали, что во многих палатках в большинстве случаев срок годности йогурта уже месяц - два (а то и все три) как истек. Так что внимательней смотрите на числа, выбитые на яркой упаковке.

Как нам объяснили, к смертельному исходу просроченный йогурт, конечно, не приведет. Но что пару дней ваш ребенок да и вы сами будете мучиться с животом, это точно.

Чтобы спасти экономику, мы должны покупать, покупать, покупать, все что возможно.
Президент Эйзенхауэр

До 15% британцев попадаются на приманку магазинов, покупая вещи, в которых не только не испытывают необходимости, но которые просто не могут себе позволить. Магазиномания — болезнь, которая может быть столь же пагубна, как алкоголизм или страсть к азартным играм, утверждают врачи.

...Экономика не может не заставлять нас потреблять все больше и больше, а неустанное потребление означает смену иллюзий во все возрастающем темпе, что постепенно приводит к исчезновению иллюзии изменений. Мы оказываемся одни, мы не изменились,мы заключены в пустое холодное пространство за водопадом различных приспособлений, семейных автомобилей и дешевых романов.
Рауль Ванейгем

Что бы ни случилось, ничего не предпринимайте пока вы не получите инструкций от властей, ваша безопасность не может быть гарантирована, если вы решите действовать самостоятельно. Оставайтесь дома, в машине или универмаге. Если вы находитесь дома, смотрите телевизор или включите громкую музыку. Помните, что днем нет более безопасного места, чем работа. Если вы еще молоды и не работаете, то идите в школу. Ради собственного же благополучия, поступайте так, как вам говорят. Власти напоминают вам - улицы вашего района небезопасны, поэтому если вы вынуждены выйти куда-то в поисках развлечений, например, не идите пешком, лучше ехать на машине. Если вы неожиданно оказываетесь на улице без автомобиля, ни с кем не разговаривайте. Помните, что сохранение правопорядка зависит исключительно от вашего стремления следовать нашим инструкциям.
Modern Citizen

Потребление истерии стало принципом общественного производства, но таким принципом, при котором действительная банальность товаров постоянно вырывается наружу и провоцирует необходимое насилие - насилие со стороны людей, которым дали все, но которые поняли, что все, что им дали - подделка.
Послесловие к "Нищете студенческой жизни", памфлету страссбургских ситуационистов

После начала войны в Чечне в московском метро к обычному объявлению "Осторожно двери закрываются. Следующая станция..." начали добавлять предупреждение "Граждане, не оставляйте свои вещи в вагонах метро. Обо всех забытых вещах сообщайте машинисту поезда через переговорное устройство или дежурному по станции". На некоторых линиях это предупреждение стало постоянным спутником пассажиров и было включено в основной "саундтрек", тем самым сделав механизм создания истерии постоянным.

Массовый психоз, связанный с ожиданием терактов в Москве, приводит порой к курьезным ситуациям.

Буквально на уши поставила весь Ярославский вокзал неожиданная находка, сделанная сотрудником местного отделения милиции в субботу. В зале №2 на первом этаже вокзала прямо на скамейке он обнаружил бесхозную картонную коробку подозрительного вида. Прочитав начертанную на ней карандашом надпись, он пришел в ужас. Коробка была подписана так: "Для тебя, дед, от Чечни. С новым годом!"

Моментально все люди из Ярославского вокзала были эвакуированы. Приехали специалисты с собакой, натренированной на запах взрывчатки. Но обнюхав коробку, собачка никак не отреагировала. Тогда сотрудники оперативной группы решились вскрыть ее. Какова же была их радость и недоумение, когда вместо ожидаемого тротила или пластита в коробке обнаружились... армейские сухари-галеты. Кому предназначался этот новогодний подарок, сейчас устанавливается.

На следующий день утром переполошились сотрудники Моспочтамта, обнаружив у себя в здании две бесхозные посылки, адресованные в Уссурийский край. Вызванные сотрудники милиции опять же с помощью собак обследовали подозрительные коробки, но также ничего не обнаружили. В посылках лежали продукты питания.

И уж совсем курьезный случай, свидетелем которого стал ваш корреспондент, произошел вчера в вагоне метро на Таганско-Краснопресненской линии. На станции "Пролетарская" в вагон зашел молодой человек, поставил на пол небольшую дорожную сумку, а сам отошел на несколько метров — ознакомиться со схемой метро. Неожиданно со скамейки вскочил дедулька с клюкой, закричал: "Я вас спасу!", схватил сумку, открыл форточку и выкинул сумку в тоннель. Спохватившийся хозяин едва не убил старика. Народ помешал.

Общество зрелища повсеместно начинало с принуждения, обмана и крови, но оно обещало путь к счастью. Оно верило в то, что должно быть любимо. Теперь оно уже ничего не обещает. Оно больше не говорит "Что кажется - хорошо, что хорошо - кажется". Оно попросту говорит: "Это так".
Ги Деборд

Но несмотря на насилие, к которому ему приходится прибегать, зрелище отдает себе отчет в том, что единственное, что обеспечивает ему действительную безопасность - это создание и поддержание иллюзий и мифов.
Прежде всего и в конечном счете это шоу.

Церемония началась исполнением какой-то песни — видимо, гимна «Гербалайфу», так как устроители и другие посвященные вдруг дружно вскочили со своих мест и начали громко и радостно аплодировать. Затем на подступах к сцене собралась толпа испробовавших «Гербалайф» людей, желавших поделиться за лом своими успехами. Выступления напоминали очень плохое шоу — мощное эмоционально-крикливое давление при предельно примитивном содержании. Затем выступил некий коммерсант, достигший за короткое время «потрясающих успехов в деле сбыта продукта» и предлагающий присоединиться к этому бизнесу.

Лучи прожекторов двигались над головами собравшейся толпы. Нельзя было различить ничего кроме серой массы людей, стоявших плечом к плечу. Радиосвязь обеспечивала синхронность аналогичных собраний, проходивших по всей стране, Геббельс объявил минуту молчания по погибшим во время завала в шахте, который как будто специально произошел в этот день. Затем Гитлер говорил о рабочей гордости и о том, что трудящиеся должны стать значительным фактором в новой Германии. Полтора миллиона голосов слились в едином хоре, певшем гимн "Хорст Вессель". Прежде чем объявить выступление Гитлера перед этой массовой аудиторией, Геббельс заметил, что солнце вот-вот выйдет из-за туч. Он рассчитал время собственного выступления так, чтобы божественный свет снизошел на фюрера именно в тот момент, когда тот выйдет на трибуну.

Выборы это грандиозное зрелище, в котором иллюзии, мифы и образы борются между собой за наши апплодисменты и признание. Выбор иллюзорен, потому что какое бы правительство мы не выбрали, мы всегда получим в качестве руководителей тех, кто хочет, чтобы мы неукоснительно придерживались трех основных правил - работай, потребляй, уважай власть.

Тяжелые дни переживает ныне демократия в бывшем Советском Союзе.

Довыборы в Верховный Совет Украины по 46 избирательным округам откладываются на один год. Такое решение принял украинский парламент, поскольку здесь даже после десяти туров голосования не удалось выявить победителя. В России — не лучше. ТАСС сообщает, что довыборы в областную Думу прошли в воскресенье в Белгородской области с невысокой активностью. По предварительным данным, они состоялись лишь в двух из пяти округов, где проголосовало свыше 30 процентов избирателей.

Может, не хотят голосовать — нечего и выборы устраивать? Кто правит — тот и правит, пока правит...

Манифесты выпускают, чтобы получить голоса на выборах, а вовсе не для того, чтобы их воспринимали как Евангелие.
Лорд Деннинг

Полицейские, использовавшие бамбуковые палки, атаковали вчера мирную демонстрацию незрячих и инвалидов, которые пытались передать петицию о предоставлении им больших возможностей для получения образования и работы премьер-министру Индире Ганди. Около 100 человек получили ранения, в том числе 25 - серьезные. После побоища десятки людей, большинство из которых были незрячими или инвалидами, лежали в лужах крови у резиденции премьер-министра. Присутствовавшие при этих событиях журналисты заявили, что полиция атаковала демострантов. Незрячие люди пытались бежать, падали, натыкались друг на друга. Те, кто был на костылях, тоже пытались бежать, но полиция тем не менее легко настигла их. Демострация была приурочена ко всемирному дню инвалидов. Полиция заявила, что демонстрация была незаконной, поскольку на улицах, прилегающих к парламенту и резиденции премьер-министра запрещены все уличные шествия.

...правительство, которое уважало бы достоинство каждого человека, мужчины или женщины, вне зависимости от их принадлежности к той или иной касте, учению или идеологии; правительство, котрое бы понимало ваши чаяния, проблемы и надежды, ваши мечты и устремления...
Из предвыборного обращения Индиры Ганди

Хотя власть и поддерживается угрозой применения насилия, она всегда радостно приветствует ненасилие со стороны своих оппонентов. Она предлагает "разумные", "цивилизованные" переговоры, поскольку на этом поле она, если и не выиграет, то, по крайней мере, сможет оттянуть свое поражение на неопределенный срок.

Во время Второй Мировой войны индийский солдат, сражавшийся под командой генерала Уингейта в тылу японских войск в Бирме, заснул под градом пуль, свистевших вокруг него. Последующее исследование показало, что солдат не просто физически реагировал на усталость, которая была следствием недосыпания, но поддался чувству всепобеждающей апатии.
Алвин Тоффлер "Будущий Шок"

Сегодня многие люди кажутся такими контуженными солдатами. В общении с другими людьми нас преследуют подозрительность и непонимание, подавление вызывает перманентный психологический кризис. Бесполезные лекарства, альтернативы, которые не являются альтернативами, невыполненные обещания, продажность, - все это создает атмосферу цинизма и апатии.

В значительной мере разочарование людей в своей собственной жизни проистекает из их собственной нравственной нищеты. Их со всех сторон подталкивают к тому, чтобы быть подлыми, мстительными, злобными, трусливыми, жадными, ревнивыми, скупыми и так далее. То, что сама система в значительной степени виновна в существовании этих пороков, никак не уменьшает неприятных ощущений у тех, кто находится во власти этих пороков. Важной причиной распространения религиозных движений было то, что они обращаются к этой нравственнйо неуспокоенности, призывают людей к следованию определенным этическим принципам в жизни, что в свою очередь должно обеспечивать определенный душевный покой от осознания собственной добропорядочности, удовлетворение от того, что слова людей и то, во что они верят, не расходятся с их делами (то есть единство мысли и действия, теории и практики за которое этих людей называют "фанатиками").
Революционное движение тоже должно обращаться к этой нравственной неуспокоенности, но не для того, чтобы обеспечивать комфортный набор установленных правил поведения, а для того, чтобы показывать, что революционный проект является подлинным средоточием смысла, областью, в которой сострадание находит наиболее последовательное выражение, где люди должны обладать мужеством, чтобы делать наилучший выбор в различных ситуациях и следовать ему до конца, не прячась от возможных неприятных последствий, но в то же время избегая ненужного чувства вины.
Кен Нэбб

Мы должны изменить свой взгляд на мир, перестать смотреть на вещи глазами власти.

- Если этот вот Король вдруг проснется, - подтвердил Труляля, - ты сразу же - фьюить! И потухнешь как свеча.
- Ну, нет, - вознегодовала Алиса. - И вовсе я не потухну! К тому же если я только сон, то кто же вы тогда такие, хотела бы я знать?
- То же самое, - сказал Труляля. - То же самое! - подтвердил Траляля.
- Бесполезно говорить о том, чтобы разбудить его, - сказал Труляля, - когда ты всего лишь то, что ему снится. Ты и сама прекрасно знаешь, что ты ненастоящая.
- Нет, настоящая, - крикнула Алиса и заплакала.
- И от того, что ты плачешь, ты не станешь настоящей, - заметил Траляля.

В своей пропаганде, беседах и деятельности мы должны создавать ситуации, которые подталкивают людей отказаться от привычных взглядов на вещи, ситуации, которые позволяют выявить иллюзии, созданные зрелищем. Но зрелище тоже одержимо документированием процесса собственного разложения. Социологи, журналисты и другие специалисты "исправляют" критику зрелища. Написанные ими хроники наших несчастий топят наш гнев в статистике, исследованиях и оценках. Угроза зрелищу нейтрализуется путем создания всеобщего настроения цинизма, апатии и опущенных рук.
Революционная теория, которая концентрируется исключительно на нагромождении критики зрелища, рискует лишь увеличить всеобщий цинизм и пассивность.
Недостаточно просто анализировать нищету повседневной жизни и ее причины, мы должны говорить о своих мечтах и желаниях, представлять примеры того, какой могла бы быть жизнь.
Мы должны начать строить мир таким, каким мы его хотим видеть, прямо сейчас - в наших отношениях, в нашем вмешательстве в ход повседневной жизни, в нашем поведении.
Единственный способ создать революционную теорию - это попытаться воплотить ее в жизнь несмотря на окружающие нас барьеры и противодействие, с которым мы обязательно столкнемся.
Революционная теория возникает только на основе непосредственного опыта. Ее целью является тотальное уничтожение товарно-зрелищной системы. Революционное движение, опирающееся на развитие революционной теории, должно быть основано на непосредственном участии. Движение, основанное на идеологии, так же соотносится с принципом непосредственного участия, как рисование по самоучителю - с творчеством. Революция - это непрерывный процесс, который должен быть начат прямо сейчас.

Под каждым результатом и проектом несчастного и смешного настоящего мы видим горящие слова заклинания "Мене, Текел, Фарес", предвещающего крушение всех миражей. Дни этого общества сочтены, причины и выгоды его существования тщательно взвешены и признаны недостаточными, его обитатели разделены на две партии, одна из которых желает, чтобы это общества прекратило свое существование.
Ги Деборд

- Итак, я вовсе не спала, - сказала себе Алиса. - Если, конечно, все мы не часть одного и того же сна. И сон этот приснился либо мне, либо Королю! Я надеюсь, что все-таки мне. Не очень то хочется быть частью чужого сна, - сказала она жалобно. - У меня появилась чудесная идея - пойти, разбудить его и посмотреть, что из этого получится!

МИРОВОЙ ПОРЯДОК СТАРЫЙ И НОВЫЙ

Ноам ЧОМСКИ

КОНЕЦ БРАКА ПО РАСЧЕТУ

В августе 1971 года Ричард Никсон объявил о начале "новой экономической политики", демонтировавшей мировой экономический порядок, установленный после Второй Мировой войны (система Бреттона-Вудса), в котором США, по сути дела, играли роль международного банкира. К этому времени, как писала специалист по международным экономическим отношениям Сюзан Стрейндж, "брак по расчету исчерпал себя" и "положение было слишком серьезным, чтобы ограничиться аспирином". Европа, в которой ведущую роль играла Германия, и Япония оправились от разрушительных последствий войны, во многом благодаря международным мерам США в духе Кейнса в начале 1950-х годов, а Соединенные Штаты столкнулись с непредвиденными экономическими потерями из-за войны во Вьетнаме. Мировая экономика входила в эпоху "триполярности", а также, что особенно важно, в эпоху застоя и снижения прибыльности капитала.

Вполне предсказуемой реакцией стало стремительное нарастание ожесточенной классовой войны, которую с неослабным упорством вели корпоративный сектор, его политические агенты и идеологические прислужники. В последующие годы мы стали свидетелями наступления на реальную заработную плату, сферу общественных услуг, профсоюзы, - короче, на все действующие демократические структуры. Целью этих атак было преодоление разразившегося "кризиса демократии", причиной которого были наглые попытки общества выйти на арену демократической политики со своими собственными интересами.

Эти сдвиги сопровождались интенсивным идеологическим наступлением, целью которого было усиление власти и привычки к подчинению, ослабление общественной сознательности и таких хрупких человеческих качеств как забота о ближнем, а также воспитание молодого поколения в духе нарциссизма. Другой целью было установление de facto мирового правительства, защищенного от вмешательства со стороны людей, даже не подозревающих о его существовании, отвечающего за то, чтобы людские и материальные ресурсы свободно предоставлялись бы транснациональным корпорациям (ТНК) и международным банкам, контролирующим эту глобальную систему.

Ответом Никсона на упадок американской экономической гегемонии было введение временного контроля за ценами и заработной платой и проведение фискальных мер, направленных на превращение государственной власти в источник дальнейшего роста благосостояния имущих - за счет сокращения государственных налогов и ассигнований. Эта политика, усилившаяся в годы правления Рейгана, с тех пор была генеральной линией. Она вызвала огромный рост задолженности на всех уровнях и очень незначительные достижения в области инвестирования в производство. Одним из важнейших подсчету рост неудовлетворенных социальных нужд, тяжким грузом легший на плечи большинства населения и будущих поколений.

Несколько лет спустя политэконом Дэвид Каллео заметил, что инициатива Никсона представляла собой "разновидность меркантилистской революции" во внешней и внутренней политике. Международная система становилась все более беспорядочной и менее регулируемой, "правила разрушались и власть приобретала все большее значение". Рациональный контроль над национальными экономиками снижался, создавая тем самым благоприятные условия для международного бизнеса и банков. Они были освобождены от контроля за капиталами и официальных ограничений и чувствовали себя уверенно, зная, что в случае непредвиденных осложнений государство поможет выйти из затруднительного положения. Как следствие снижения регулирования и контроля, а также в результате информационно-телекоммуникационной революции, значительно облегчившей перевод капитала, международные рынки капиталов стремительно расширились. Энергичные инициативы банков по стимулированию кредитов привели к кризису неплатежей стран Третьего Мира и нынешней нестабильности самих банков. То, что получилось в результате, было названо "системой мирового экономического правительства с параметрами, определяемыми нерегулируемым рынком и правилами, утверждаемыми наднациональными банками и корпорациями" (Говард Вахтел), "системой корпоративного меркантилизма" (Петер Филлипс), с управляемой коммерческой деятельностью внутри и между крупными корпоративными группами и регулярным вмешательством государства, имеющем место во всех трех основных блоках Севера с целью субсидирования и защиты международных корпораций и финансовых учреждений, находящихся на их территории.

В те же годы мы стали свидетелями застоя и распада Советской империи, которая прежде сильно мешала запланированному глобальному порядку в нескольких очень важных отношениях. Она исключала значительную часть Третьего мира из сферы эксплуатации и контроля Запада, и само ее существование в качестве противостоящей силы обеспечивало место движению неприсоединения в регионах, все еще выполняющих традиционную роль, отведенную Югу: обеспечение ресурсов, рынков, дешевого труда, возможностей для инвестирования, а в последнее время и экспортирование отходов. С крушением Советов, обе проблемы были решены. Мощь государственно-капиталистических индустриальных обществ еще более возросла с экономической катастрофой, прокатившейся по большинству их колониальных владений в восьмидесятые годы. Дурные предчувствия стран Третьего Мира поэтому были вполне понятны.

Раньше страны, входившие в движение неприсоединения, пытались в некоторой степени контролировать собственную торговле и развитию разрабатывались инициативы с целью создания "нового международного экономического порядка", предусматривающего поддержку и стабилизацию программ по производству товаров первой необходимости. Это делалось в надежде приостановить негативные тенденции в области торговли и контролировать сильные колебания цен, которые имели разрушительные последствия для национальных экономик, зависящих от нескольких основных статей экспорта. Параллельно ЮНЕСКО предпринимало меры по обеспечению доступа стран Третьего мира к международным коммуникациям, фактически являвшимся монополией развитых индустриальных держав.

Обе эти инициативы естественно вызвали враждебное отношение со стороны правителей мира, поэтому они были в значительной мере свернуты в восьмидесятые годы. США повели ожесточенную атаку на ООН, которая была фактически уничтожена как самостоятельная сила в международных отношениях. ЮНЕСКО вызывало особую ненависть из-за своей ориентации на Третий мир и угрозы идеологическому господству США. Операция по разрушению и возвращению ООН под контроль Соединенных Штатов была названа "возвращением к идеалам ее основателей", что в общем-то было отчасти справедливо.

"ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ГОСПОД"

Мировая экономика никогда не вернулась к темпам роста эры Бреттона-Вудса. Упадок Юга особенно заметно ощущался в Африке и Латинской Америке, где он сопровождался безудержным государственным террором. Катастрофа ускорялась неолиберальными экономическими доктринами, диктуемыми мировыми правителями. Экономическая комиссия ООН по Африке выяснила, что в странах, следовавших рекомендациям Международного Валютного Фонда, наблюдались более медленные темпы роста, чем в тех, что опирались на общественный сектор. Чудовищное влияние неолиберальной политики в Латинской Америке было особенно заметным, оно усилилось с открытием экономик стран этого региона для международных рынков капитала. Это приводило к большим перетокам капитала в отличие от восточно-азиатских стран, где экономика, находившаяся под контролем государства, не позволяли подобной фривольности.

Существует специальный технический термин для описания вполне предсказуемых последствий диктата власть предержащих; их называют "экономическими чудесами" - под этим подразумевают благоприятные условия для инвестирования и перспективы для местных элит, связанных с зарубежными благотворителями, а также быстро растущую нищету, голод и всеобщие несчастья для населения.

В то же время, те же самые государственные власти и их приспешники, которые молятся на разрушительные экономические доктрины, препятствуют

способами обеспечивают сосредоточение богатств и власти в руках тех, кто сидит в офисах крупных корпораций. Их не заботит, что от доктрин на которые они молятся, сами победители в этой игре в случае необходимости регулярно уклоняются, наказывая тех, кого они делают жертвами этих догм. Описываемая доктрина говорит о том, что политика "постепенного перераспределения богатства сверху вниз" и "развития экспорта", которые всегда приводили к катастрофе в прошлом, на этот раз принесут успех. И действительно, они принесут успех тем, кому они обычно приносили успех, - тем, кто контролирует процесс и достаточно хорошо в нем разбирается. Истина, лежащая в основе этого, была замечательным образом выражена в заголовке передовой статьи в "Уолл Стрит Джорнал", посвященной "первоначальным (!) общественным потерям" от "шоковой терапии", разработанной благодетелями: "Люди говорят, что новое богатство слишком медленно перетекает сверху вниз, лидеры отвечают: "Следуйте тем же курсом"." (Wall Street Journal, 16 апреля 1992).

Иногда развитые страны тоже серьезно воспринимают эту риторику и оказываются не в состоянии защитить себя от разрушительного влияния нерегулируемого рынка. Последствия те же, правда, не столь смертельные, как в традиционных колониальных регионах. Примером этого может служить Австралия в 1980-е годы. Дерегулирование и другие свободнорыночные эксперименты (проводимые лейбористским правительством, принявшим рецепты правых) привели к тому, что один ведущий экономический комментатор, Том Фитцджеральд, назвал "капитальным бедствием". К концу десятилетия благодаря этой политике удалось снизить национальный доход до 5% в год. Реальная зарплата сократилась, австралийские предприятия попали под контроль иностранных предпринимателей. Страна уверенно двигалась к статусу сырьевой базы государственно-капиталистического региона, центр которого находился в Японии. Нужно отметить, что сам этот регион в целом продолжал развиваться лишь благодаря радикальному отказу от неолиберальных догм.

Фитцджеральд замечает, что ничего другого нельзя ожидать от выборочного следования Адаму Смиту и игнорирования его же предупреждения об "отвратительном принципе господ": "Все для себя, ничего для людей".

Богатые индустриальные державы сами начинают напоминать страны Третьего Мира, с островками огромного богатства и привилегий посреди вздымающего свои волны океана нищеты и отчаяния. Это в первую очередь относится к США и Великобритании, ставшим жертвами рейгановско- тэтчеровского учения. Континентальная Европа также не сильно отстает, несмотря на сохранение власти социалистов и защищаемый ими общественный договор, и возможность экспортировать свои трущобы в другие страны за счет миграции рабочей силы. Распределение привилегий и богатства в странах, обладающих такими возможностями как наши, это, конечно, не то, что мы видим в Бразилии и Мексике, но тенденции разглядеть нетрудно.

Падение Советской империи предоставило новые возможности, чтобы установить деление Север-Юг более четко в самих богатых обществах. Во время майской забастовки 1992 года рабочих госсектора в Германии директор компании "Даймлер Бенц" предупредил, что корпорация может ответить на забастовку своих рабочих перенесением производства в другие страны, возможно в Россию, с ее хорошо обученными, квалифицированными, здоровыми и (как они надеятся) послушными рабочими. Управляющий "Дженерал Моторс" может угрожать тем же, указывая на Мексику и другие регионы Третьего Мира, которые до сих пор оставались колониями Запада. Капитал с большой охотой передвигается; люди либо не могут этого сделать, либо им просто не позволяют.

Не то, чтобы "Даймлер Бенц" настолько сильно страдал от издержек производства, что управляющие ощущали это на себе. Спустя две недели после того, как он пригрозил перенести производство "мерседесов" в Россию, тот же главный управляющий, Эдзард Рейтер, объявил о "замечательных результатах" чрезвычайно удачного первого квартала 1992 года, когда прибыль выросла на 14%, а продажа - на 16%, в основном за границей: немецкие рабочие это совсем не те, на кого рассчитана продукция "Мерседес", основного и самого прибыльного сектора этого гигантского конгломерата. Подобные факты, однако, нисколько не повлияли на американскую прессу, которая в своих сводках новостей ругала забастовщиков за "вольготную жизнь", чрезмерно длинные отпуска и вообще непонимание того, какое место они занимают в качестве орудий производства в руках богатых и наделенных властью. Они должны усвоить уроки, преподанные примерно в то же время американским рабочим, занятым на заводах "Катепиллер": прибыль и производство растут, зарплата снижается, право на забастовку в значительной мере ликвидировано благодаря возможности прибегать к услугам временных рабочих.

Это плоды ожесточенной кампании корпоративного сектора, начавшейся вскоре после того, как американские рабочие в конце концов отстояли свое право на объединение в профсоюзы в середине 1930-х годов, после долгих лет острой борьбы и жестоких репрессий, не имевших аналогов в индустриальном мире. Возможно мы даже вернемся к временам, когда известный филантроп Эндрю Карнеги мог проповедовать добродетели "честной, трудолюбивой, самоотверженной бедности" жертвам Великой Депрессии 1896 года вскоре после того, как он грубо подавил забастовку металлистов в Хомстеде. Под аплодисменты прессы он в то же время заявлял, что побежденные рабочие прислали ему телеграмму, в которой говорилось: "Добрый хозяин, скажите чего бы вам хотелось и мы сделаем это для вас". Именно потому, что он знал, как "сладок, и счастлив, и чист дом честной бедности", объяснял Карнеги, он и симпатизирует богатым, в то же время деля с ними их суровую судьбу в роскошно обставленных особняках.

Итак, правильно управляемое общество должно работать в соответствии с "отвратительным принципом господ".

Поэтому неудивительно, что когда побитые профсоюзы в конце концов осознают реальность непрекращающейся классовой войны, развязанной против них высоко классово сознательным корпоративным сектором, предпринимательская пресса должна искренне удивляться тому, что некоторые профсоюзы все еще держатся за устаревшую "идеологию классовой войны" и "избитое марксистское представление" о том, что "трудящиеся составляют класс граждан, с общими интересами, отличными от тех, кто владеет и контролирует производство". Что и говорить о таких "причудах", как требование снижения жалования управляющим, к которым рабочие позволяют себе относиться как к простым смертным (New York Times). Хозяева, напротив, уверенно держатся за это "избитое марксистское представление", зачастую выражающееся в вульгарно-марксистской риторике - правда, с противоположными знаками.

При существующих условиях общественной организации и концентрации власти, избирательно-свободная торговля вряд ли сможет повысить всеобщее благосостояние. Это наглядно продемонстрировал двухлетний опыт договора о свободной торговле между Канадой и США. Канада потеряла сотни тысяч рабочих мест, многие из которых были перенесены в индустриальные районы США, где правительственное регулирование фактически запрещает организацию в профсоюзы. Подобная государственная политика (вполне естественная в обществах, где правит бизнес, а само общество в значительной степени отстранено от принятия решений) оставляет рабочих более незащищенными перед эксплуатацией, чем в Канаде, с ее более развитым профсоюзным движением и общим климатом солидарности.

Соглашение также использовалось для того, чтобы требовать от Канады продавать воду, даже тогда, когда там ощущался недостаток в ней, отменить меры, призванные защитить тихоокеанского лосося, привести правила использования пестицидов в соответствие с менее строгими американскими стандартами и прекратить субсидировать посадку лесов после вырубки. Все это объявлялось ограничениями для свободной торговли. В то же время Канада, которая является экспортером асбеста, осуждала США за применение стандартов EPA в нарушение торговых соглашений.

Теоретически, соглашение о свободной торговле должно снижать зарплату в странах, где она выше, и повышать ее в странах, где она ниже, куда перетекает капитал, тем самым устанавливая глобальное равновесие. Но при господствующих ныне условиях более вероятен иной исход.

При существующих сегодня условиях власти и контроля свободная торговля будет иметь тенденцию сводить уровень жизни к нижней границе для людей, которые являются зрителями, а не участниками принятия решений, влияющих на их жизнь.

В общем, в восьмидесятые годы увеличился разрыв между незначительной частью общества, пользующейся огромными привилегиями и все растущей массой людей, страдающих от лишений и нищеты. С людьми, ненужными для производства богатств и потребления - двух человеческих функций, признаваемых

господствующими общественными институтами и идеологиями, нужно что-то делать. Нынешняя социальная политика по отношению к ним в Соединенных Штатах ориентирована на содержание их в крупных городских центрах, где они могут охотиться друг на друга, или в тюрьмах.

Всегда существовало два класса людей: правители (и их агенты) и вьючные животные, либо служащие им, либо ненужные. Это до боли знакомое деление становится еще более четким и ясным в эпоху глобального корпоративного меркантилизма, свободного движения капитала и размывания профсоюзов и других демократических структур, которые могли бы вмешаться в плавный ход капиталистического самодержавия, руководящегося "отвратительным принципом господ". "Все для себя, ничего для других".

Интернационализация капитала, особенно усилившаяся начиная с 1971 года, придает новый характер конкуренции между национальными государствами. Приведем лишь один пример: в то время как доля США в мировом экспорте промышленной продукции сократилась с 1966 по 1984 год на 3.5%, доля расположенных в США транснациональных корпораций немного увеличилась. И статистика международной торговли будет выглядеть несколько иначе, если импорт зарубежных компаний рассматривать как национальный продукт. Коммерческие товары также отражают эту тенденцию. Так, например, треть рыночной цены "Понтиака", производимого компанией "Дженерал Моторс", уходит к южнокорейским производителям, одна шестая - японским, и еще примерно столько же к немецким, сингапурским, английским, барбадосским и другим взятым вместе. Как географическая целостность, страна и большинство ее населения могут переживать кризис, но корпорации играют в совершенно другую игру. Поскольку сегодня от четверти до половины международной торговли ведется расположенными на севере ТНК, эти факторы имеют все возрастающее значение.

НОВЫЙ ИМПЕРСКИЙ ВЕК

Зачастую реалии представляются правящими классами и их идеологами с поразительной откровенностью. В ведущей ежедневной деловой газете "Файненшл Таймс" была опубликована статья экономического комментатора Би-Би-Си Джеймса Моргана, называвшаяся "Падение советского блока оставило Международный валютный Фонд и "Большую Семерку" править миром и создавать новый имперский век".

Согласно этой версии, отстаиваемой "Файнэншл Таймс", "создание новой системы направляется "Большой Семеркой", МВФ, Всемирным Банком и Генеральным Соглашением о тарифах и торговле (ГАТТ)". Это "система непрямого управления, которая подразумевает интеграцию лидеров развивающихся стран в сеть нового правящего класса", который, как ни странно, оказывается старым правящим классом. Местные правители составляют то, что британские империалисты семьдесят лет назад называли "фасадом", "конституционной фикцией", используемой для того, чтобы скрыть "поглощение колоний".

Далее Морган замечает, что институты "нового правящего класса", который сейчас управляет значительной частью развивающихся стран и Восточной Европы" (традиционных колониальных владений), "подталкивают" своих клиентов к тому, чтобы они шли "правильным путем реформ". Под этим подразумевается, что они должны тщательно избегать той политики, которая традиционно приводила к успешному развитию как в Англии семнадцатого века, так и в восточно-азиатских государствах в последние десятилетия, и следовать политике, которая традиционно была очень выгодна международному правящему классу. В случае же когда экономический контроль "не подталкивает" к правильному поведению, мы всегда можем обратиться к силам безопасности, как в случае с нашими меньшими чернокожими братьями в Южном Лос-Анджелосе, которые имели возможность уяснить это на своем собственном опыте.

"Политика жесткой экономии" это хорошее средство для латиноамериканских крестьян, польских рабочих и забытых жителей Южного Лос-Анджелеса, но не для настоящих людей.

Правительство также призвано создавать непреодолимые барьеры протекционизма, когда необходимо, например, обеспечить новые капиталовложения в сталелитейную промышленность, для чего накладываются ограничения на импорт стали в США, который начиная с 1982 года не должен превышать 20%. В то же время на государстве лежит обязанность по подрыву профсоюзов, с тем, чтобы новые "не обремененные профсоюзами производители более дешевых товаров" могли платить своим рабочим от половины до трети того, чего добились сталелитейщики в результате почти вековой кровавой борьбы.

Одним из главных достижений нового имперского века является то, что удалось оттеснить население еще дальше на обочину. Он в значительной мере устранил угрозу возникновения подлинной демократии, но в то же время расчистил дорогу риторике о приверженности демократическим идеалам. Глобальные правители теперь могут действовать, имея гораздо меньше ограничений, более координированно, с помощью централизованного управления и с гораздо меньшим вмешательством местного населения. Эти неуправляемые и опасные элементы не только не могут повлиять на решения правителей (основной принцип капиталистической автократии), но зачастую вообще ничего о них не знают. Кто следит за жизненно важными решениями участников переговоров по ГАТТ или Международного Валютного Фонда, имеющим огромное значение для глобального общества, в том числе и нашего? Или за деятельностью транснациональных корпораций, международных банков и инвестиционных компаний, которые ныне определяют условия производства, торговли и жизни во всем мире? Новый имперский век знаменует собой дальнейшее продвижение в сторону авторитаризма в рамках формально демократической практики.

***Z Magazine*, июль-август 1992**

ПАНЕГИРИК

(Начало на стр. 5)

Да, вероятно Деборд сам дал разрешение на публикацию своей самой значительной и известной книги "Общество зрелища" крупным издательствам. Кто-то назовет это предательством принципов и продажностью, но может быть это всего лишь попытка сохранить книгу для читателей. Но, как и другие произведения ситуационистов, "Общество зрелища" снабжено предупреждением-призывом: "No copyright. Авторские права не зарегистрированы." Это значит, что любая часть книги или вся она целиком может быть перепечатана ДАЖЕ БЕЗ УКАЗАНИЯ ИМЕНИ АВТОРА. Поэтому рядом с красочным и недосягаемо дорогим изданием Verso или Gallimard всегда появится скромная "пиратская" копия, напечатанная на серой бумаге и заключенная в обложку из наждака.

Обсуждать вопрос о том, был ли прав Дебород или ошибался, вынося приговор обществу зрелища, можно лишь после того, как его книга появится на русском языке. (Нелегкая задача для переводчика, учитывая пристратия автора к языку Гегеля и Маркса.) Но на наш взгляд, предложенные Дебордом и другими ситуационистами концепции зрелище, "исправление", detournement - по-прежнему являются исключительно полезными для понимания мира, в котором мы вынуждены жить. (Они вкратце описаны и объяснены на страницах этого номера.) Может быть он страдал исключительным перфекционизмом, когда, с одной стороны, пытался подогнать события под собственную теорию, а с другой - сосредотачивался исключительно на "доводке" уже однажды высказанных положений. В отличие от тех же постмодернистов (кто знает, может быть их действительно когда-нибудь будут называть "малозначительными пост-дебордистами") он предпочитал в основном отмалчиваться и так никогда и не написал ничего сравнимого по значимости со своей главной книгой.

Он не дожил несколько лет до конца века, хотя кто знает, может быть ситуационистам действительно удалось покинуть его быстрее, чем всем остальным.

Чествуя Деборда, мы все же должны помнить о необходимости быть жестокими по отношению к своему прошлому и тем, кто пытается оставить нас в нем. Придет время и мы диалектически преодолеем Деборда, но лишь для того, чтобы оставить позади общество, приговор которому он с таким мастерством написал.

КАК НАМ ЭТО ВИДИТСЯ

Общий взгляд на самих себя, окружающий мир и перспективы социальных изменений

1. Абсолютное большинство людей в мире не контролирует основные социальные, экономические и политические решения, которые непосредственно и в значительной степени отражаются на их собственной жизни. Мы вынуждены жить, работать и умирать в соответствии с тем, что диктуют нам иерархические организации - начиная от школы, корпораций и церкви и кончая кульминацией всех их в лице национального государства. Нас индоктринируют в государственных и церковных школах. Мы вынуждены продавать свои жизни и свой труд в капиталистической экономике, в то время как те, кто владеет и распоряжается средствами производства не только наживаются на нашем труде, но также определяют форму и характер все более широких пространств как в социальном, так и в природном мире. Нас дисциплинируют, облагают налогами и оболванивают интегрированные системы местных, региональных и национальных правительств. Они не только издают законы, регулирующие наш труд, культуру и общественные отношения, но также содержат значительный пропагандистский аппарат, полицейские силы, тюрьмы, армии, системы слежки и даже центры пыток и батальоны смерти, если это необходимо для обеспечения нашего подчинения.

2. Иерархическая и отчужденная организация общественной жизни, которую навязывают нам эти господствующие институты, вызывает непрекращающиеся кризисы в жизни каждого человека и в каждой сфере человеческой деятельности. Эти кризисы зачастую проявляются наиболее интенсивно в области производства - там, где большинство из нас должны продавать значительную часть своей жизни за зарплату, которая никогда не сможет возвратить нам того, что у нас отнимают. Мы вынуждены работать в системе, которая не позволяет нам контролировать ни содержание нашего труда, ни его условия, ни его организацию, ни его смысл и цели. И мы делаем все это в обмен на "привилегию" купить небольшое количество производимых в массовом порядке товаров и стандартизованных "услуг", которые всегда останутся пустыми и неудовлетворительными заменителями богатой и радостной жизни, которой все мы действительно желаем. На самом деле почти каждый аспект жизни в современном обществе - семейная жизнь, сексуальность, образование, культура, знание, коммуникации, здравоохранение, транспорт и т.д. -колонизирован иерархией и отчуждением. Господствующие социальные институты повсеместно навязывают чуждую людям организацию повседневной жизни. Все организовано ради скрытых целей, без участия тех, кого это больше всего касается, и обычно противоречит действительным ценностям людей, их стремлениям и интересам. Вовсе неудивительно, что в результате этого люди воспринимают некоторые части своей жизни и тела как нечто нереальное, чуждое им или подвластное неким непреодолимым силам таинственного характера.

3. Нищета, бессмысленность и отчуждение повседневной жизни в современном мире это не случайные продукты социальной системы, которая во всем остальном "хороша". Это неизбежные и непосредственные последствия существования системы, которая по своей сути не только чудовищно непродуктивна, но в нынешний ядерный век все более самоубийственна. Эта система состоит из относительно целостной структуры самовоспроизводящихся общественных отношений принуждения, иерархической власти и товарного обмена, общим основанием которых служит то, что для краткости может быть названо "отчуждением". Понятие "отчуждение" означает процесс, в ходе которого действия людей могут стать отчужденными по отношению к ним самим и не будут больше восприниматься ими как их собственные. Например, институт рабства очевидно подразумевает процесс отчуждения жизнедеятельности раба. Когда изначально свободные люди были впервые захвачены рабовладельческими обществами, было необходимо насильственно поработить их, поскольку они естественно понимали, что труд, почтительное отношение к хозяину и пассивное подчинение, которых от них требовали, были абсолютно чужды их желаниям и воле. Единство их желаний, воли и деятельности было разрушено, но они могли легко чувствовать и осознавать это отчуждение, поскольку его необходимо было поддерживать с помощью силы. Однако, после того, как их рабство поддерживалось таким образом некоторое время, они сознательно вырабатывали привычки самоподавления, чтобы избежать наказания за то, что они забывали о той роли, которую должны были играть. Они усваивали ожидания рабовладельцев, обучаясь быть рабами и думая о себе, как о рабах, хотя и поневоле. И в конце концов через некоторое время многие из них (особенно после нескольких поколений) действительно начинали смотреть на себя как на рабов, они начинали думать, что рабство было естественным установлением, и что состояние раба - их естественное состояние. Их привычки самоподавления были интернализованы, стали подсознательными, и в конце концов они забывали, что это всего лишь привычки. Они стали рабами на самом деле, и если бы им была предоставлена возможность бежать, они были бы неспособны даже увидеть ее, поскольку не осознавали, что где-то в глубине души они хотели бежать. Их отчуждение было настолько полным, что они больше не могли ощущать свои желания как свои собственные или осуществлять свою волю вне рамок своей жестко регламентированной жизни. Процесс отчуждения, связанный с рабовладением, аналогичен процессу "социализации", с помощью которого мы усваиваем свои "естественные" места внутри современных институтов нуклеарной (моногамной) семьи, всеобщего и обязательного (дез)образования, наемного рабства, представительной "демократии" и т.д.

4. В соответствии с классическим описанием отчуждения в процессе труда при капитализме, когда человеческий труд продается капиталисту в обмен на зарплату, он становится отчужденным. Поскольку тогда этот труд контролируется капиталистом (независимо от того, выступает ли в качестве капиталиста отдельная личность или некий институт, например, корпорация или государство), а не самим человеком, работник оказывается в ситуации, когда он(а) действует в соответствии с устанавливаемой извне логикой. Он(а) становится простой шестеренкой в машине производственного аппарата, который руководствуется целями внешними и чуждыми по отношению к занятым в нем работникам. Корпоративное или бюрократическое управление в больших организациях ставит своей целью изолировать работника от других как можно больше, в то время как наличие иерархической власти поддерживает жесткое разделение труда в организационной системе, рассчитанной на производство прибылей, накопление капитала и воспроизводство власти управляющих. Таким образом, коллективный труд атомизированных работников постоянно воспроизводит всю организационную систему, которая приобретает собственную инерцию и направление развития, так, что даже действия управляющих все более жестко определяются логикой организационного воспроизводства и расширения, которой они тоже вынуждены подчиняться.

5. Ирония заключается в том, что именно отчужденная деятельность людей и их труд составляют действительное содержание тех институтов, которые в свою очередь угнетают их. Тот же процесс отчуждения имеет место не только в сфере производства, но и во всех сферах общественной деятельности. Это приводит к тому, что социальный мир в целом кажется вне чьего-либо контроля; кажется, что он неумолимо движется по своему собственному загадочному пути в соответствии со своей собственной отчужденной и иерархической логикой. Поэтому говорят, что экономика регулируется сама по себе с помощью действий "невидимой руки", делающей нас жертвами депрессий, инфляции, безработицы и т.д. В политической сфере органы местной, региональной и центральной власти демонстрируют те же тенденции. Политические партии все больше напоминают друг друга, в то время как все они оказываются неспособными контролировать кризис, который привел к их избранию или государственному перевороту. Все правительства вынуждены подчиняться отчужденной логике международной системы. На Востоке и на Западе результаты одинаковы, хотя средства употребляются разные. Во всех сферах жизни, где господствуют иерархические формы организации, личность подчиняется одним и тем же процессам, поскольку все иерархические организации по определению подразумевают наличие принуждения, а принуждение обязательно требует от личности отчуждения ее деятельности с тем, чтобы она могла вписаться в отведенную ей роль. В результате, чем больше наша жизнь зависит от выполнения всех этих отчужденных ролей в иерархически построенном товарном обществе, тем менее мы способны жить - тем менее наши жизни являются "нашими" в каком-либо смысле этого слова.

6. Люди никогда не являются просто пассивными жертвами навязанного извне подавления и манипуляций. Через нашу "социализацию" (наше "социальное обусловливание") в это общество каждый из нас учится участвовать в той или иной степени в своем собственном подавлении и манипулировании собой. Наш конформизм навязывается нам не только приказами хозяев или оружием полицейских, но также интернализованным хозяином и полицейским, которого каждый носит в себе, и который называется "характер". Характер это форма, принимаемая отчуждением в личности человека. Это нечто вроде умерщвленного психического панцыря, который возникает у каждого из нас для того, чтобы мы могли приспосабливаться к иерархическому и отчужденному обществу. Развивая этот бессознательный панцырь (привычный слой принудительного, навязанного нам самоподавления) мы защищаем себя от некоторых наиболее жестких проявлений иерархии и отчуждения, но нам удается достичь этого только огромной ценой самоизоляции и извращения своих действий и мыслей. Характер может проявляться по-разному - в виде навязчивого стремления подавлять собственные чувства, в постоянном мышечном напряжении и возбужденности, в хроническом чувстве вины, в блокировке или хроническом сужении поля восприятия, в преувеличенном уважении к носителям власти, в приверженности догмам и неспособности мыслить самостоятельно, в навязчивых страхах или паранойе, в постоянном чувстве незащищенности, в принудительном выполнении ролей и неспособности отбросить притворство и "быть самим собой", в религиозных верованиях и вере в некие другие абсолюты, в расизме, сексизме, и так до бесконечности. Характер - это целостная организация всех усвоенных и привычных неспособностей, которые служат адаптации личности к требованиям иррационального общества. Это средство, с помощью которого иерархические и отчужденные социальные структуры вторглись в наши тела и в наш опыт и колонизировали их. Мы все парализованы отчуждением. Многие люди настолько сильно изуродованы им, что теперь они идентифицируют себя с репрессивными и эксплуататорскими институтами в большей степени, чем со своими собственными спонтанными импульсами, желаниями и чувствами. Характер - это механизм, создающийся в результате взаимодействия социального обусловливания и наших реакций на него. Он позволяет нам относиться к другим людям и к себе самим прежде всего как к товарам на рынке, которые продаются и покупаются, как к объектам внутри иерархических систем, которым можно отдавать приказы и которыми можно манипулировать. Иерархическое капиталистическое общество требует от людей, чтобы они относились друг к другу исключительно как если бы они были просто объектами. Развитие характера это всего лишь то, как мы становимся объектами и забываем о том, что когда-то мы были чем-то большим. (***Детальное описание этой концепции характера дано в классической работе Вильгельма Райха "Анализ характера".***)

7. Идеология - это проявление характера в области логики, языка и символов. Это средство, с помощью которого отчуждение и иерархия (и в конце концов характер) рационализуются и оправдываются через извращение человеческой мысли и общения. Всякая идеология по своей сути связана с заменой человеческой субъективности отчужденными концепциями и образами. Идеологии это системы ложного сознания, в которых люди больше не рассматривают себя в качестве субъектов по отношению к своему миру. Вместо этого они рассматривают себя в качестве объектов, подчиненных тем или иным абстрактным вещам, которые становятся "реальными" действующими лицами в их мире. Всегда, когда некая система идей или обязанностей структурируется вокруг некоей абстракции, - тем самым назначая людям роли и обязанности - подобная система является идеологией. Все разнообразные формы идеологий структурированы вокруг различных абстракций, но тем не менее они всегда служат интересам иерархических социальных структур, основанных на отчуждении, поскольку они представляют собой иерархию и отчуждение в области мысли и общения. Даже если идеология по своему содержанию выступает против иерархии и отчуждения, по своей сути она следует тому, против чего сама выступает, и эта ее сущность всегда будет подрывать видимое содержание идеологии. Является ли центральной абстракцией идея Бога, Государства, Технологии, Семьи, Человечества, Мира, Работы, Любви или даже Свободы, если она представляет собой самостоятельный субъект, который предъявляет требования к нам, тогда она является центром идеологии и потому лжива. Капитализм, индивидуализм, коммунизм, социализм или пацифизм идеологичны в некотором смысле (как они обычно и воспринимаются). Религия и мораль идеологичны всегда по определению. Даже сопротивление, революция и анархизм зачастую принимают идеологическую форму, если мы недостаточно внимательны к тому, чтобы сохранять критическое отношение к тому, как мы мыслим и каковы действительные цели наших размышлений. Идеология буквально вездесуща. От рекламы до академических трактатов и научных исследований, почти всякий аспект современного мышления и общения идеологичен, и его реальный смысл для человеческих существ скрыт под многочисленными слоями мистификаций и извращений.

8. Наиболее ярким примером идеологической мистификации является зрелище. Зрелище - это организация образов, ставшая возможной благодаря современным средствам коммуникации. Простота, с которой образы могут быть оторваны от своих источников и реорганизованы для представления в этих средствах коммуникации в соответствии с идеологиями господствующих институтов, составляет техническую основу не только для манипуляции этими изолированными образами или идеологиями, но для создания видимости действительности. По мере того, как размах и сила зрелищной организации общества возрастает, то, что раньше непосредственно проживалось, все больше и больше сводится к репрезентации в образах, созданных для потребления. Организация зрелищной деятельности на практике одновременно является организацией действительной общественной пассивности, культивируемой среди зрителей. Вместо того, чтобы непосредственно проживать свои жизни люди все более соблазняются ролью зрителей, потребляющих образы своей собственной отчужденной жизни, которые односторонне представляются им господствующими институтами современного общества. Зрелище это не просто набор образов, но, что гораздо важнее, общественное отношение между людьми, опосредованное образами. Главная проблема с современными средствами массовой коммуникации состоит не в том, что они всегда представляют точку зрения иерархии, как будто иных точек зрения не существует вовсе (хотя в них безусловно существует идеологическая узость содержания). Гораздо более серьезная проблема заключается в самой форме или структуре масс медиа. В конце концов, содержание менее важно, чем иерархическая и отчужденная структура, которая несет это содержание. Каковы бы ни были высказываемые через масс медиа явные идеи, скрытая, но постоянно присутствующая идея заключается в том, что каждый из нас всего лишь беспомощный зритель в мире, который он никак не может контролировать. Наш единственный выбор состоит в том, чтобы выбирать из различных возможностей, предложенных нам невидимыми силами, определяющими все вокруг.

9. Если бы наши институты, культура, общественные отношения были бы действительно непосредственным выражением наших собственных коллективных желаний и нужд, они вряд ли бы часто ставились под сомнение. Против них не возникало бы столько возражений, если бы они действительно выполняли свои цели. Но всегда, когда людям навязывают систему отчужденных общественных отношений, это вызывает широко распространенное сопротивление. Это сопротивление естественный результат того, что людей вынуждают принять чуждый им образ жизни, как если бы он был на самом деле их естественным образом жизни. Всегда, когда людей вынуждают подавлять свои импульсы, восприятие, суждения и ценности и действовать вопреки им, они имеют склонность к бунту - иногда открыто, прямо и сознательно, но зачастую скрыто или даже бессознательно. Даже если подобная отчужденнная система существует на протяжении поколений и люди "социализируются" ею и воспринимают ее настолько, что она кажется им более реальной, чем их собственная личность, даже тогда неизбежно существует широкое сопротивление, хотя оно может проявляться лишь спорадически и в основном оставаться на уровне подпольных, скрытых тенденций к бунту и отрицанию. Институционализация подавления и отчуждения всегда оборачивается возвращением того, что подавляется. В соответствии с психоаналитической концепцией человеческой природы подавляемые стремления и желания никогда не уничтожаются сразу, но вместо этого возвращаются в человеческую деятельность, принимая другие формы (например, во сне или в бессознательных срывах, проговорках). Аналогично, институционализованное подавление никогда полностью не уничтожает

неискоренимое человеческое желание жить и контролировать свою собственную жизнь. Напротив, человеческое сопротивление навязыванию искуственных ограничений иррациональных и авторитарных в своей основе общественных систем всегда будет выражаться в тысячах различных способов в повседневной жизни людей. Сопротивление, возникающее в самом сердце нашей повседневной жизни, это естественный и спонтанный ответ на навязываемые нам авторитарные общественные отношения. Это всеобщее, но в основном все же бессознательное, движение отрицания, которое несет в себе семена всех потенциально сознательных движений за вольное (либертарное) общественное переустройство. На самом деле все другие радикальные политические, общественные и религиозные движения уходят своими корнями именно сюда. Все, начиная от неопределенного желания "что-то делать", "что-то менять" до небольших актов вандализма в университетах и школах, от воровства с работы и высмеивания носителей власти до серьезных актов вроде решения участвовать в бунте или "дикой" забастовке, - все эти спонтанные выражения отрицания могут быть неисследованными и неописанными отправными точками, которые заключают в себе наибольший потенциал для подлинного общественного радикализма в самом ближайшем будущем. Мы должны осознавать, что исключение всего, кроме сознательной и последовательной деятельности, из нашего восприятия политической "действительности" может привести лишь к "пораженчеству" в том, что касается перспектив радикального общественного переустройства.

10. На первый взгляд может показаться очевидным, что любой акт сопротивления репрессивной и отчужденной общественной системе это пусть небольшой, но все же шаг вперед в направлении создания нового общества. Однако, подобное умозаключение неверно. В действительности мы сталкиваемся с тем, что многочисленные акты, которые поверхностно кажутся направленными против иерархии и капитала, на самом деле вполне совместимы с ними. Эти акты частичной оппозиции всегда опираются на признание необходимости иерархической власти и социального отчуждения, они направлены лишь против специфических "злоупотреблений" или "несправедливостей" внутри целостной системы. Поскольку частичная оппозиция сосредотачивается на узких требованиях реформирования только определенных аспектов социальной структуры, она имеет парадоксальный эффект - она укрепляет общественную систему, против которой она на первый взгляд борется, оправдывая эту систему в целом и в то же самое время помогая снизить давление на нее и адаптировать к ней требования социальных изменений. Это снижение давления на систему со стороны различных социальных сил, требующих изменений, иногда называют "исправлением" (recuperation). "Исправляя" импульсы, направленные на реальные социальные изменения и канализируя их в русло действительных или воображаемых реформ существующей общественной системы, эта система не только уничтожает угрозу собственному существованию, но также укрепляет свой контроль над людьми, создавая ощущение того, что фундаментальные реформы могут быть достигнуты постепенно, и что какая-либо более радикальная оппозиция может угрожать уже достигнутым реформам. Частичная оппозиция всегда вступает в противоречие с действительно радикальной оппозицией, поскольку первая всегда принимает в качестве правил игры основные установления иерархического товарного общества. Либеральные реформисты, "радикальные" моралисты и социал-демократы всегда предпочитают, чтобы мы боролись за "реалистические" реформы, стоя на коленях, нежели за радикальные изменения, встав во весь рост.

Ложная оппозиция это частный случай частичной оппозиции. Это попытка показаться всеобщей или радикальной оппозицией, оставаясь только частичной на практике. Этот тип оппозиции особенно характерен для марксистско-ленинских групп. Они объявляют себя революционерами, но их действительная практика воспроизводит иерархические и бюрократические тенденции того общества, которое они критикуют. Несмотря на свои радикальные претензии, их представители в конце концов сохраняют менталитет людей, ориентированных исключительно на государственный переворот и на то, чтобы встать у власти в качестве нового, "просвещенного" правящего класса. Другой разновидностью частичной оппозиции является то, что можно назвать зрелищной оппозицией. Зрелищная оппозиция подразумевает создание образа бунта, который на самом деле не имеет или почти не имеет корней в окружающей социальной действительности. При этом типе воображаемой оппозиции целлулоидные образы бунта создаются "радикалами" от масс медиа" или самими масс медиа, и их содержание либо полностью отсутствует, либо сведено к минимуму.

С другой стороны, радикальная оппозиция стремится к уничтожению иерархии и отчуждения в корне. Это всегда сознательная оппозиция по отношению к тотальности существующей общественной системы, поскольку она опирается на понимание того, как эта система действует в целом. Подобный целостный взгляд показывает, что когда ставится под сомнение один аспект системы, та в свою очередь компенсирует и "исправляет" брошенный ей вызов, распыляя его и интегрируя в себя, после чего система оказывается в состоянии свертывать какие бы то ни было реформы по мере того, как они перестают служить ее целям. Единственное движение, которое может когда-либо рассчитывать на действительные изменения, это такое движение, которое всегда ставит под сомнение всю систему в целом, даже тогда, когда оно сосредотачивается на частных аспектах этой системы.

11. Абсолютное уничтожение всякого отчуждения наверное невозможно, и те, кто требует достижения этого абстрактного абсолюта скорее всего догматичные фанатики, которых лучше избегать. Они - возможные кандидаты в робеспьеры будущих царств террора. Однако между Сциллой фанатизма и Харибдой беспринципного и оппортунистического реформизма лежит то, что мы считаем реализуемой и жизненной концепцией качественно более свободной, справедливой и приятной социальной системы. Подобная система не будет "чиста" и "безупречна", но она потребует действительно радикального переустройства общества, которое будет заключаться в изменении балланса общественных отношений - оно покончит с нынешним историческим господством иерархических и авторитарных общественных отношений, заменит это господство самовоспроизводящейся системой неиерархических общественных отношений, которые могут быть названы некой разновидностью анархии.

12. Анархия в буквальном смысле означает "отсутствие власти". В своем лучшем смысле она означает общественную систему, в которой нет места политической иерархии и авторитаризму. Вместо иерархического правления монолитных институтов над простыми людьми анархия требует возможно более широкого, полного,

ВЫ, КОНЕЧНО, ОЖИДАЛИ
УВИДЕТЬ ЗДЕСЬ
ИЛЛЮСТРАЦИЮ...

действительного и непосредственного контроля со стороны тех, кого это непосредственно касается. Это не означает, что анархисты верят в некую абстрактную и неопределенную идею "демократии", "консенсуса" или "индивидуализма". Это значит, что анархисты требуют исключительно прямого и конкретного народного участия и контроля над всеми значительными общественными институтами, которые оказывают влияние на людей - не просто контроля над институциональной организацией и управлением, но также, что особенно важно, над направлением их деятельности, целями и самим существованием. Этого можно достичь только путем широкого и сознательного обращения людей к либертарным общественным и организационным ценностям и деятельности (самоуправление, спонтанность, автономия, сотрудничество, организации, созданные для людей, прямое действие, взаимная ответственность и отчетность, максимальная гибкость) в перестроенных институциональных рамках ориентированных на специфические, работающие и эффективные средства свободного общения и принятия решений.

13. Всякое подлинное сопротивление и оппозиция по отношению к иерархически организованному обществу, всякое движение, которое желает действительного и качественного изменения организации общества должно быть самосознательным и критически-радикальным общественным движением. Подобное движение должно включать в качестве центрального момента предопределение типа общества, которое оно хочет создать, как в вопросах организации, так и в вопросах качества повседневных отношений, которые она хочет установить. Концепция предопределения это всего лишь другими словами выраженная идея о том, что средства общественного переустройства во многом определяют его результат. Исходя из этой концепции мы приходим к выводу о том, что традиционное марксистско-ленинское движение почти неизбежно переведет диктаторский стиль своих традиционных средств (иерархически-построенную политическую партийную организацию, идеологическое и догматическое мышление, "демократический централизм", авангардистское мышление и достаточно консервативные общественные ценности) в реальные монолитные бюрократические диктатуры, возникновения которой с уверенностью можно ожидать в качестве результата подобной деятельности (как это случилось в СССР, Китае, на Кубе, во Вьетнаме и т.д.). В то же время либертарное революционное движение, напротив, пытается создать непосредственно и демократически контролируемые альтернативные организации и контр-институты в качестве средств для достижения своей цели - создания действительно самоуправляющегося общества. На практике подобные организации могут быть (и всегда были) различны - от анархистских неформальных групп до федераций, от рабочих групп и анархо-синдикалистских профсоюзов до фабричных комитетов и советов, от вольных общин, групп по месту жительства до муниципальных движений, коллективов и кооперативов различных типов, разнообразных культурных учреждений, начиная от вольных школ, исследовательских групп, радикальных библиотек и центров документации до панк-клубов и кафе, а также партизанских отрядов и фабричных и местных групп самозащиты и народной милиции, когда в этом существует необходимость.

14. Мы понимаем, что условия нашей жизни и опыт нашей деятельности в господствующих общественных институтах подталкивают нас к тому, чтобы сомневаться, сопротивляться и находить методы организации, бросающие вызов установившемуся общественному порядку и установленным правилам поведения и мышления. С другой стороны, мы признаем, что мы разрознены, лишены средств коммуникации и находимся на разных уровнях сознательности. Колумбийская Лига анархистов это лишь одна небольшая самостоятельная группа, являющаяся частью всемирного движения людей, стремящихся изменить свою жизнь и мир вокруг. Мы не рассматриваем себя как еще одну руководящую группу, ищущую последователей, но как группу людей с некими общими идеями, работающими над созданием либертарного общества. Мы хотим помочь демистифицировать все идеологические претензии, которые парализуют людей и оставляют их беспомощными перед лицом господствующих институтов. Мы стремимся бросить вызов всем проявлениям иерархии, эксплуатации, отчуждения и мистификации, помогать людям, которые вовлечены в либертарную борьбу, обобщать их опыт, создавать целостную критику нынешнего положения и причин, его создавших, и помогать развитию широкой революционной сознательности и деятельности, необходимых для тотального переустройства жизни.

Колумбийская Лига анархистов

Публикуемый нами документ представляет собой манифест небольшой анархистской группы из США. Он был написан в конце 1985 года, после того, как вышли в свет первые номера журнала с поэтичным названием Anarchy: A Jornal of Desire Armed (Анархия. Журнал вооруженного желания). В течение нескольких последующих лет Anarchy стала ведущим анархистским журналом в Соединенных Штатах и Канаде, но конечно же не в смысле центрального органа, дававшего указания своим последователям, а в смысле творческой мастерской, в которой проходили порой достаточно ожесточенные дискуссии, где возникали новые идеи и обсуждалась практическая деятельность анархистов. Через некоторое время мы планируем выпустить небольшую антологию, где будут представлены статьи, печатавшиеся в Anarchy, которые, надеемся, помогут читателям иначе взглянуть на некоторые проблемы. Что же до самого журнала, то после "героического" периода, в течение которого он активно выполнял роль катализатора умственного брожения, наступил период догматизма, пусть "анти-идеологического" и "нигилистического", но от этого не менее мертвящего. На сегодняшний момент группа, выпускавшая Anarchy, в основном занимается другими проектами, плодов же деятельности тех, кому было передано издание журнала мы еще не видели. Следите за нашими публикациями.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
(начало на стр.5)

в человеческом существовании и предлагали людям организоваться на началах автономии. Только во время майских событий 1968-го - когда все только и добивались, что реформ в университете, а профсоюзные и коммунистические лидеры подписали соглашение с правительством - ситуационисты призвали к дикой забастовке. Оглядываясь на эти события мы отчетливо видим, что ситуационисты прекрасно понимали, что дикая забастовка это лучшее оружие, более того, они знали, что буквально все были готовы и хотели пойти на эту забастовку.

Откуда же они могли это знать? По крайней мере уже в пятидесятые годы Дебord, экспериментировавший со своей жизнью, знал, что работа - это слабое звено капиталистической системы. Работа это и сегодня лучшее оружие, которое можно использовать в социальных конфликтах. Уничтожение труда одновременно носит теоретический и реальный характер - это действенная стратегия, которая потенциально доступна каждому.

Все вопросы стратегии всегда сводятся к следующему - что срабатывает? Проблема состоит в том, что у нас почти не осталось места для маневра, когда ставки столь высоки, как сегодня. В эру электронной войны и оружия, эффективность действия которого испытана на крысах, баррикады и уличная агитация кажутся заранее проигрышными. Шарней пишет об анти-стратегии "креативистов" и "спонтанистов" (имея в виду тот же 68-ой год), как об удачной, переходной стратегии, не имеющей в качестве своей цели затвердевание институтов. Он проводит различие между анти-стратегией и а-стратегией (отсутствием стратегии), которая заключается в принесении себя в жертву игре случая. Между эффективной стратегией подрывной деятельности и авантюризмом - большая разница.

Шарней помог мне понять, что теория ситуационистов это прежде всего стратегическая теория. В силу своих интересов я искал в Деборде философа и был сильно разочарован его опорой на Лукача, Мангейма и Гэйбла. Он был прежде всего стратегическим теоретиком. Как пишет все тот же Шарней, философия приходит после стратегии. Главная работа Деборда - "Общество зрелища" - называет врага и производит замечательный синтез революционной борьбы последних двух веков, чтобы затем перейти к атаке на общество зрелища. Что же касется настольной игры Деборда, она должна была способствовать возникновению стратегического мышления. По сравнению с очень конкретными, но достаточно самоубийственными "предложениями... которые должны быть безотлагательно реализованы на практике" [брошюра другого известного ситуациониста] Рауля Ванейгема, абстрактная игра Деборда кажется гораздо более реалистичным и значимым предложением.

Extraphile, No.3, осень 1994

ПУБЛИЧНОЕ ИЗВИНЕНИЕ

Д. С.

Я наклоняюсь над вами, шепчу, воркую. Вы можете этого не замечать, можете закрывать на это глаза, но, будьте уверены, однажды вы проснетесь и вместо привычной тяжести в голове почувствуете необычайную легкость. Солнечный свет, удивляясь тому, что не умер где-то в тканях кожного покрова, полного потовых желез, будет радостно сочиться сквозь, и некто требовательный, потягиваясь и хрустя суставами, станет задавать вопросы, опираясь на дубовые ворота в глухом трехметровом заборе, через который ни перелезть, ни перепрыгнуть. А вы, тем временем, спите. Конечно, куда лучше было бы проснуться, сходить в туалет, умыться, поесть, попить, одеться и пойти на службу. Или поехать. Или не на службу, а по делам. Или, в конце концов, просто продолжать спать. Но - нет.

Я вас убил. Не надо шарахаться, звать на помощь. Не сейчас, всему свое время. Живите спокойно, и я буду жить без особых проблем, стрелять в вас из-за угла, отравлять воду в водопроводе, толкать с ночного перрона под вечерние электрички, в которых обычно так душно, и только если открыть все окна, ветер, играя, теребит как бы небрежно повязанную косынку попутчицы, а пассажиры жадно вдыхают запахи близящейся ночи.

Это моя жизнь и моя единственная любовь - убивать вас. Когда-нибудь и я умру, погибну, подорвавшись, романтично, как разночинец и народоволец, на бомбе собственного изготовления вместе с десятком случайных прохожих, среди которых будет и тот мальчик; он одной рукой подносит ко рту сладкое осеннее яблоко, а другой - сжимает в кармашке клетчатых штанишек игрушечного солдатика.

Не то, чтобы я какой-то убийца, я - террорист, и со стажем. Никогда бы вы этого не подумали, наступая мне на ногу и дыша в лицо чесноком или же мило улыбаясь пухленькими губками и оценивающе меряя с головы до ног. Ботинки - две тысячи, брюки - две с половиной, пиджак - четыре, рубаха пятьсот. Точно, это с ног до гловы, а наоборот - пятьсот, четыре, две с половиной, две. Перемена мест слагаемых, как вы знаете (а вы знаете), ничего не меняет. Я вам могу нравиться или нет, но сейчас я выйду и оставлю рядом вон с тем мужиком авоську, с которой бабушка всегда ходила в магазин, поднимусь в город, куплю сигарет, а на следующем перегоне кровавое месиво с чесночным запахом перепачкает вашу прозрачную блузку, но вы этого не заметите, потому что стоите рядом с этим, как вам кажется, еще не старым мужчиной, стало быть в очереди вторая, и сразу. И не буду судорожно рвать обертку и трясущимися руками чиркать спичкой о коробок. Думайте, что хотите, но осторожно, двери закрываются.

Двери закрываются - ворота открываются. Вы такая милая, вас туда пропустят без всяких вопросов. Не торопитесь, оглядитесь, и любитель пряностей, приправ и жигулевского пива вас скоро догонит, его только спросят про соседку, водку и женину командировку, но это чистая формальность, на такие мелочи сейчас внимания никто не обращает. Согласен, точно неизвестно, я предполагаю. А Лена К. вас встретит позже и расскажет, что метро сегодня сломалось, она опоздала, шеф на нее наорал, потом не отпустили в обед, потом у Вити были частые гудки, потом пошел дождь, а потом... Потом был суп с котом и двенадцать колес димедрола - вся пачка. Она чудная девочка, вы могли бы запросто подружиться, но, увы, ее быстрое вернут обратно на проходную. Двенадцать колес - особая статья.

- Вы выходите?

Ответ положительный.

Нарисовался мрачный образ маньяка, тете с книжкой - не по себе. Ах, оставьте, тетя! Не люблю насиловать, особенно молоденьких девочек. Все эти женщины, отводящие и не отводящие блудливые (блядливые) глаза, и так не знают, кому только бы и отдаться, и прикосновения потных рук все равно воспринимают как праздник, хотя и рассказывают подругам об этом всхлипывая, а те, в свою очередь, тоже считают случившееся большой удачей и втайне завидуют, предположим, Кате, хотя это не имеет никакого значения.

Удел убогих. Настоящий терроризм - спать с дочкой генерала КГБ, внучкой блестящего дипломата и правнучкой полковника-участника брусиловского прорыва, влюбить ее в себя, потом бросить, чем и сломать, ну хотя бы на время, ей жизнь, а заодно и провалить сеть наших агентов в Швеции, испортить отношения с рядом развивающихся стран и заключить позорный Брестский мир. К черту спецслужбы, масонские ложи и наркомафию - вот оно, настоящее живое дело. Жаль, но мне такое не по плечу. Пока? У меня как-то была дочь большого московского режиссера, и я влюбил ее в себя, и бросил, и, кажется, сломал ей на время жизнь, но папашин театр по-прежнему процветает и ездит на гастроли. Я его взорву, придется. Не мытьем, так катаньем. И поэтому намеренно не называю имен, дабы вы не пугались заранее, читали афиши и приобретали билеты в кассах или с рук. Вам нравятся декорации? Ну, тогда - занавес.

Действие второе (или даже третье). Мы познакомились зимой, нет, мы познакомились осенью, а встречались зимой, и холодными зимними вечерами гуляли по городу, и был жуткий мороз, а кафе, кафе здесь... ну какие здесь кафе?.. и деньги... опять же, откуда деньги? И я звонил якобы по делам, и мы целовались в промерзших насквозь телефонных будках, а целоваться она умела лучше других, лучше всех. Так мы встречались, и так, и не так, сначала часто, потом реже, потом снова часто. Ходили на какие-то выставки, она всегда знала, что где идет, и приходила всегда в одном и том же: джинсы и свитер, - свитер был фиолетовый с зеленым и красным узором, - и как-то спросила меня: "А как тебе нравится мой стиль?" И я ответил: "Достойный стиль." Она не поняла и рассмеялась, а стиль был действительно достойный и мне нравился. Стиль, достойный женщины, хотя она была девочкой, ей было всего семнадцать лет. Она часто не понимала меня, а я ее, и мы друг друга. Итак, они встречались, а потом встречаться прекратили. Мне жаль тебя, детка (как она не любила это "детка"! Но она на самом деле была деткой, бэби, если хотите, милым ребенком, ведь ей было семнадцать, а мне, ой, намного больше, и эта досадная разница мешала нам, и только она, как те три метра мешали сонному человеку с лицом, обожженным кислотой, перелезть через забор, по углам которого - вышки, у ворот - скучающий страж, а сверху - под напряжением проволока), так вот,детка, и я любил тебя, детка, и бросил тебя любя, детка, ведь папа твой - большой, детка, режиссер, и Швейцария, детка, и Англия, и Соединенные, детка, Штаты Америки, и потом, зимой, детка, на улице такой мороз, чтобы ехать куда-то встречаться с тобой, и еще детка, детка, детка... до конца страницы, правда, бывало6 что после первого же "де..." она затыкала мне рот своим язычком, и челка лезла ей на глаза.

И я бы не бросил ее, но вот как-то раз вернулась моя любовь настоящая, любовь от рождения и по призванию - в белых одеждах взрослая женщина от котор, ловя острейшим своим аксессуаром мертвый прозрачный лунный свет и лунными же зайчиками приманивая меня. Я, профессионал, убью когда-нибудь и ее, испражнюсь на белые одежды и оскверню труп. Хотя это и не мой стиль.

Он, прощаясь. Милая (красивое женское имя, три буквы), прости меня. Во-первых, за то что приврал тут немного, а, во-вторых, - вообще...

Она, прощаясь. (Красивое мужское слово, три буквы) тебе, сволочь.

Карандаш положил в карман, сгреб листы в кучу, бросил их в папку.

- Что смотришь, отец? А? Нехорошо чужие письма читать.

Он отвернулся, усмехаясь, и стал высматривать что-то в окне. Нет, тормози, так не пойдет.

А вот как пойдет: остановка, переулок, сквер, - и неожиданно вдруг:

Опа, опа, жа-а-ареные раки, -

подвывают пьяненькие старушки на лавочке, -

Засоси меня в пупок,

Я живу в бараке, -

чувствуется спетость поставленных голосов, темный двор-колодец, подъезд, нож, печень, вздох, конец второго действия (или даже третьего).

Бреду усталый, возвращаюсь домой. Лампочки на лестнице выкрутили. В лифте нагадили собаки. Стены на площадке исписаны матерщиной. В квартире не топят. Жрать нечего. По телевизору - черные мухи скачут за белыми.

Дзинь-дзинь - "аллоу?":

- Это ты? Как жизнь? Где был? Че делаешь? Понятно. А выпить есть? Ну, приноси - выпьешь...

Понеслась.

Всему приходит конец, рано или поздно - "Время Ра.К. и время Со.К.", мы это прочитали во вчерашних газетах и не могли поверить. В сегодняшних мы прочитаем, как в одном государстве с ужасным тропическим климатом, большой инфляцией и девками, подставляющими солнцу голые груди, конкретно - в стране Лимпопо, арестовали знаменитого бандита, арестовали и заковали в кандалы и посадили на цепь. Бандит был известен тем, что убил пятьдесят тысяч человек, читал Мао и стрелял из лука так, что за сто ярдов выкалывал шерифу одной стрелой сразу оба глаза. Слепого шерифа заменяли на зрячего, но история каждый раз повторялась. Мы это прочитаем, отлепив газету от рыбьего хвоста, - и бандита действительно арестуют. Статью я, пожалуй, сохраню, разглажу утюгом и положу в папку, перед этим, конечно, постирав с порошком, чтобы не было запаха, и приключения веселого

разбойника присоединятся к сотням других, таких же забавных небылиц, от которых ломится нижний ящик моего письменного стола. Мы выпьем за здоровье ихнего президента, тоже слепого (вы не знали? так оттого он и носит все время черные очки!), который в данный момент загорает на пляже с нагой шоколадной моделью, выпьем, закусывая селедкой с бородинским хлебом, выплюнем кости, закурим и будем непринужденно беседовать о том о сем.

Марксист Родриго Пасквалес сам виноват. Зачем ты читал Мао, Родриго? Зачем донимал шерифов, Пасквалес? И зачем, наконец, ты убил ровно полсотни тысяч человек, Родриго Пасквалес, а не сорок девять или, к примеру, пятьдесят одну? К чему нам идея, амиго? Нам она не нужна, нужен факт, необходим, мы не должны вспыхнуть и тотчас отгореть. Наше дело, наша работа - спускать под откос составы, - у вас нет железных дорог, дружище? - тогда топить белотрубые пароходы, да и просто резать их как кур. Не важно, богатых ли, бедных - главное не наших и не своих. И еще тех, кто нас сильно чувствует: боится, любит, ненавидит, кому мы невыносимо безразличны. Я записал, компаньеро, в книжечку под словом "кредит": "Памяти товарища", - и ниже, - "двух латиноамериканских студентов, белого и черного."

"Ааа!" - после "боится, любит, ненавидит", - "ааа!" - закричите вы, завизжите от безрассудного ужаса и бессилия что-либо изменить. "Ааа!" - закричат в теплых постелях тысячи подельщиков, кутаясь в одеяла, в страхе ища спасения от темноты пустых квартир в конусе света ночной лампы. И чуть ли не сходят с ума, предупрежденные, что страх под запретом и наказуем, отныне боятся бояться. Но продолжают орать: "Неужели он, он убьет и ту, ту что его?.." - и страшное, сладкое слово сорвется с кончиков их раздвоенных языков, ударится в верхнюю губу, ударится в нижнюю и вылетит в щель незаклеенной на зиму оконной рамы. Слово, слова - и многоголосый хор уже мечется по городу, вдоль рядов оранжевых фонарей центральных проспектов через пролеты стратегических мостов к кладбищенским фиолетовым - фонарям новстроек. И обратно, стремительно, так, что имя заветного слова, отставая от воя полифонии, осядет на крышах домов, просто домов и не просто, и тротуарах; и последний кусочек его упадет, разобьется и затеряется в жухлой траве тихого парка рядом с зеленой скамьею. После бесснежной зимы, весною ли, летом, осколком, блестящим хрусталиком калейдоскопа его подберет мальчуган, подберет - потеряет, потому что в кармашке клетчатых брюк - дыра. Крик ваш, тем временем, пересечет город крест-накрест, срывая афиши с театральных тумб: "Ааа!" Сосед-работяга проснется, - конечно же, он не понял в чем, собственно, дело, - засобирается на работу, приняв стон этот ваш и ваших соратников за фабричный гудок. Он выйдет на улицу и обомлеет. Он удивится, он не узнал привычного облика микрорайона, преображенного нелепым для этого времени года ураганом. "Уркаганом", добавим мы за отсутствующего здесь соседа.

С утра репортеры крупнейших агентств разнесут по всему свету весть о том, что мощнейший торнадо, крещеный прекраснейшим девичьим именем, по традиции из двух гласных букв и одной согласной, "поменял", цитирую, "падла, местами Лас-Вегас и Южное Бутово". После такого может быть только война, так что не стоит бросать слов на ветер, да еще на такой сильный, вылетит - не поймаешь. Но это все завтра.

Сейчас же вы шепчете форте: "Ааа-а-а..."

Неужели он убьет и ту, которая его?.. Которая - его? Ту ласковую девочку ("Привет". - "Привет, милая".) в синих джинсах, с брезентовой сумкой через плечо и в замшевых башмачках. Ту, чьи тонкие пальцы так резво сновали по клавитуре, а потом сильно-сильно сжимали его красивую руку убийцы. Ту, которая опускала глаза и, и челка и локоны закрывали лицо; и поднимала глаза, серые - Сталь, серые - Лед, серые - Если-бы-не, серые - Здравствуй, серые - Арктkика-и-антарктида. Пять имен, как у испанской дворянки - юной гордячки: шлейф и два арапчонка: дед и внук-поэт, с супругой и поэтессой, что ненавидела эту супругу, и еще один поэт, лауреат, в синих книжонках издательства "Ардис". Пять и еще одно - шесть: серые - Как-огонь. Огонь ее щек. Смущение. Стыд. "Девочка боится женщины", "Мужчина стыдится мальчика", "Женщина смущает девочку" - триптих. Он ее убьет?

"Он ее убьет?" - спрашиваю я вместе с вами.

Вопрос? Вопросом:

- А вы сами-то как думаете?

А они не думают, старина, они ждут ответа. Но сперва вернемся на пару страниц и уточним непонятное "мы". Кто те в беретах, жабо и со шпагами, с кем ты делил трапезу и золото болтовни? Кто те друзья? Вот они - молодые, здоровые, розовощекие. Вот - оборванцы, худые, небритые каторжане. Мы едем в блестящем вагоне, выблядки мегаполиса, мы - лучшие, мы - сила, мы - власть. Власть-крсть-страсть-сласть, мы юные рифмоплеты, вчера еще дети, и поэтому дамы и девочки оборачиваются в такт славной песне, гимну героев, четыре четверти: сильная доля - те, кто сильней, слабая доля - кто попроще, смотрят на шестерых шумных циркачей. Хватаясь за поручни, выставляем напоказ пальцы в перстнях, уступая места пожилым дачницам, обнажаем улыбкой белые ровные зубы. Бархат камзолов, доспехи богов, веселье сильных мужчин. Мои шесть голов, шесть ног и шесть рук.

Мы поднимаем надушенные платочки и выходим. Весь эскалатор пробегаем галопом, оставляя внизу вдов и матерей-одиночек. Город встречает нас радостно и радушно, выдает каждому аусвайс или, как называют его простолюдины, айндитификейшн, подмигивает правым глазом и хитро молчит. Здесь нет ничего, чего мы бы не могли, нет ничего, о чем бы не знали. Но эти двое на углу - один устремлен, другой озабочен, - у них нет аргументов против обычной природы вещей. Дальше все просто - кино, и кончается тем, что прицел выбирает товарища справа. Палец-курок - одно тело, и ядовитая пчелка вышибает серую гниль, выплескивает ее, розоватую, на желтую стену. Но почему такой выбор? Можно подумать, отобран был лучший: миллионы в кармане и миллионы у его ног. Но это все чушь, ведь шансы у них равны, и в последний момент прицел передумал. Снова кино, дубль второй: мозги на стене - картина великого импрессиониста. У ног миллиарды, миллиарды в кармане. Поверьте, я объективен и непредвзят. Вы поняли фильм до конца, по экрану вверх ползут титры, звучит музыка, первый канал, новости с прискорбием сообщают. Но мы уже знаем, что все не так сложно. Я, вы и, отныне, мои друзья.

Припев:

- Карл, ты знаешь Р.Пасквалеса?

- Я имел с ним переписку.

...Один из них, циник и карлик по имени Карл, бродяга без гроша за душой, бывший студент и поэт, проклятый миром, бунтарь, здоровающийся с женщинами за руку, шансонье, подцепивший миллионершу где-то в квартале Сохо, робеспьер и дантон, - сделал мне неприличное предложение. Позвонил и вошел в комнату в грязных, с улицы, сапогах, опрокинул стул и разбил чашку, что стояла на нем. Забился под кровать. И оттуда, где чемодан и коробки со всяким барахлом, где пыли немерено, язвя по поводу и без повода, часто бестактно, и чихая, скрипучим своим голоском он стал излагать мне догмы теории. Музыка, какие-то дикие завывания, звон, прихохатывания и грохот, надрывалась из-за стены, высасывала глаза и рвала перепонки. "Хорошая песня", - сказал Карл и попросил сделать погромче. Он соблазнял меня, как грязная вокзальная проститутка, меня, пастуха с травянистых альпийских предгорий, меня, сильную быструю реку, меня! - влиться в ряды ревнителей классовой справедливости. Безумец, придурок идальго, достойный и жалости и уважения, он предлагал запятнать мои руки, умытые в крови невинных, зеленью денег и подноготной грязью идеалов. Короче, мы выпили чаю, хорошего, ароматного, с синюшным бегущим невесть куда слоном на пачке, съели печенье, я вынул из уха серьгу и вставил ему, благославив. Их тьмущая тьма, и они победят, но праздник, пир их будет моим буднем: я отравлю им все пиво, весь мед, но сам буду пить - стечет по усам...

Ищут пожарные, ищут милиция, но можно не волноваться, его не найдут. Их мысль одномерна, плоска, им нужен мотив, а я сижу дома, простужен, болею, платок весь в соплях. Мед с молоком и носки из собачьей шерсти - нет лучше лекарства. Я, рядовой террорист, молча мечтаю, перебираю бумаги и плюю в потолок. "Им нужен мотив, мне нужен мотив, тебе нужен мотив, всем нужен мотив..."

Встречаемся, едем вдвоем, цель близка - впереди. Мы с ней бывали здесь тысячу раз. Привычно, приятно: гудящие толпы, смех, звон бокалов, тихая скрипка. Фрукты, вино. Неловким движением я проливаю венозную виноградную кровь - но не бывает пятен на белом искрящемся платье. Смотрим друг другу в глаза, улыбаемся, почти коллеги.

Долго я ждал этой встречи: узнаю у дверей свитер и джинсы. "Это ты, детка?" - "Я тебе не детка. Да, это я. Ты не один?" Белая женщина улыбается, подходит к нам, берет меня за руку и уводит. Мы выходим на площадь, она поворачивается и целует меня, сладко и долго, затем говорит: "Все, пора." Это - приказ. Тяжелый сверток в кармане я должен достать, встряхнуть и разбить об асфальт, себе под ноги. Мотив в том, что нет мотива...

Иди сюда, малыш, я тут все знаю, не бойся, пошли. Он протягивает надкушенное яблоко: "Хочешь?" Моя ослепительная подруга идет, нет, плывет впереди, - мы подходим к воротам, - и бросает Вахтеру:

- Это со мной. Он чист.

Она здесь своя. Но тот не спешит, право, куда ему торопиться?

(Окончание на стр. 4)

РАДИКАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ТАРАН ПРОТИВ БАШЕН ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Дикий Фавн

Для многих антиавторитариев стало уже почти аксиомой, что радикальная теория это чисто академическое занятие. С другой стороны, есть много идеологических активистов, которые обвиняют всякого, кто пытается критически анализировать общество или собственные действия в том, что тот "домашний интеллектуал". В то же время, есть те, кто не только являются профессиональными учеными, но и пишут трактаты, критикующие общество, левых и даже собственные профессии, но в таких абстрактных и несущественных терминах, что все это остается бессмысленными по отношению к их собственной жизни. Как эти интеллектуальные "радикалы", так и анти-интеллектуальные активисты в одинаковой степени порабощены господствующими в обществе рассуждениями. Радикальная теория, однако, где то в совершенно другом месте.

Радикальная теория рождается из энергии бунтарского желания, сначала просто как осознание того, что общественный контекст, в котором мы находимся, обедняет наши жизни. Поскольку нам дают образование, чтобы мы не думали, а имели мысли, очень легко перейти от этого простого осознания к мысли о необходимости принятия той или иной "радикальной" идеологии, к тому, чтобы повторять подходящие лозунги и принимать участие в бессмысленной деятельности, активизме (лучше назвать это реактивизмом), которая заставляет людей прыгать и бесноваться по какому-нибудь частному поводу, но никогда не нападает на общество в его сердцевине. Мне доводилось слышать как многие анархисты, сторонники "классовой войны", оправдывают подобную глупость, объявляя все попытки более конкретного и критического мышления "классовой привилегией" - даже когда эти попытки предпринимаются люмпенами, бросившими институт. Но в глупости и "мышлении" в форме лозунгов нет ничего радикального, даже если это анархические лозунги.

Радикальная теория - это попытка понять сложную систему взаимоотношений, которые и составляют то, что называется обществом, разобраться в том, как оно воспроизводит себя и индивида как часть себя, а также то, как мы можем подрывать его контроль и отобрать у него свою жизнь с тем, чтобы стать личностью, творящей и развивающей саму себя. Радикальной теории нет места ни в академических башнях из слоновой кости, ни в бездумном идеологическом (ре)активизме. Радикальная теория - это неотъемлемая составная часть активного, действенного бунта против общества.

После того, как мы признаем, что общество обедняет наши жизни, остается сделать небольшой шаг, чтобы понять, что упрощенные лозунги, которые зачастую сходят за радикальную мысль, являются частью этого обеднения. Лозунговость принижает в нас личностей, поскольку она заменяет собой мышление и воображение. "Никакой власти никому!" - это лозунг, создающий замечательное настроение, но только и всего. Он ничего не говорит о природе власти, нашем соотношении с ней, ее проявлениях и тенденциях и о том, как ее разрушить. Именно поэтому те, для кого этот лозунг является адекватным анализом власти, продолжают снова и снова повторять все те же тщетные и пресные действия, поскольку они являются символами их сопротивления власти. Эти действия уже давно доказали свою способность усиливать власть, создавая легко ограничиваемые ритуалы, в которых выражается псевдо-оппозиция, "приручающая" бунт.

Небольшой шаг, который открывает возможности для мышления за границами лозунгов - это резкий поворот головы, изменение точки зрения, взгляда на мир, перспективы. Если общество обедняет наши жизни, если оно не предлагает нам ничего из того, что мы действительно желаем, нет причин для того, чтобы эта абсурдная система отношений, в которую мы интегрированы, продолжала определять наш взгляд на мир путем навязывания нам своей точки зрения или того, как мы реагируем на нее. Вместо этого основой непрерывного анализа общества и нашего к нему отношения могут стать наши попытки создавать собственную жизнь и проживать ее наиболее интенсивно и насыщенно (что неизбежно приведет нас к конфликту с существующим обществом). Подобный анализ в свою очередь будет оспаривать и в то же время расширять наше мышление и воображение и стимулировать активный бунт против власти в том виде, в котором она проявляется во взаимоотношениях, составляющих нашу повседневную жизнь. Этот бунт не может быть застывшей системой идей и принципов, поскольку он является составной частью диалектики нашего мышления и бытия в качестве бунтующих, творящих себя личностей. В этом качестве он является составной частью деятельности, а не некоей отвлеченной специализацией. Письменные выражения этого анализа (которые не стоит ошибочно считать собственно анализом) требуют развития языка, который был бы одновременно очень точным и очень гибким, очень конкретным и очень игривым. Я далек от того, чтобы заявлять, что достиг этого, но имеено этого я пытаюсь добиться. Язык ситуационистов (в особенности Деборда и Ванейгема в период их деятельности в Ситуационистском Интернационале) был направлен именно на это. Однако те, кто предпочитает лозунги интенсивному анализу, часто обвиняют тех, кто пытается создать подобный язык, в "интеллектуализме", несмотря на то, что только создав такой язык мы сможем отобрать теорию у интеллектуальных специалистов и сделать ее составной частью активного бунта.

Радикальная теория это часть образа жизни, который разрушает все башни из слоновой кости. Она разоблачает теории, проистекающие из академических башен из слоновой кости, объявляя их безжизненными подделками. Она разоблачает деятельность идеологов "активизма" как бессмысленный реактивизм. Говоря другими словами, теоретики, которые не живут в соответствии с бунтарскими теориями, не говорят ничего такого, что было бы по-настоящему ценным, а активисты, которые отказываются мыслить критически, не делают ничего такого, что действительно стоило бы делать. Радикальная теория - это мышление, которое становится частью бунтарской жизни, это попытки, пусть медленные, научиться выражать себя точно и гибко. Когда радикальная теория приобретает развитую форму, она режет как острый нож.

Anarchy: A Journal of Desire Armed, N 38, осень 1993

Читайте, делитесь мнениями, пишите в наш журнал, распространяйте его. Всю интересующую вас информацию можно получить по адресу:

107061 Москва

а.я. 500

Бесплатную электронную копию журнала можно сгрузить из конференции glas.radical (для пользователей сети ГласНет).

По всем вопросам обращайтесь по адресу

cube@glas.apc.org